

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 24.

Воскресенье 11 июня.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминна, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

ЖИЖ

Содержаніе: 1) Рѣчь сенатора С. Ѡ. Платонова. 2) Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія. Профессора М. Я. Пергамента. 3) Окончательные приговоры мировыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ въ Сибири.—М. Бейлина. 4) Судебные отчеты: (дѣло бр. Скитскихъ). 5) Дѣйствія правительства. 6) Хроника. 7) Диспутъ В. Ѡ. Вальденберга въ Имп. СПБ. Университетѣ. 8) Библиографія: К. Д. Кавелинъ, собраніе сочиненій, т. IV, Спб., 1900 г. Пр. доцента М. Б. Горенберга. 9) Судебная и судебно-административная практика. 10) Отвѣты редакціи. 10) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Рѣчь сенатора С. Ѡ. Платонова по поводу проекта устава уг. судопр.¹⁾

Редакціонный комитетъ уголовного отдѣленія юр. общества предположилъ посвятить предстоящей, осенней, сезонъ занятій нашего отдѣленія преимущественно, если даже не исключительно, изученію и разбору „проекта новой редакціи устава уголовного судопроизводства, составленнаго Высочайше утвержденною, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева, комиссіею для пересмотра законоположеній по судебной части“. Думаю, что такое предположеніе комитета встрѣтитъ полное сочувствіе отдѣленія, и что мнѣ нѣтъ надобности много говорить о важности предстоящаго момента въ жизни нашего общества. Нѣсколько словъ, однако, сказать надо. Въ чемъ же важность этого момента для насъ лично и для грядущихъ по насъ? Въ самыхъ общихъ чертахъ вотъ въ чемъ. Мы, дѣятели по уставамъ 20 ноября „перваго призыва“ (къ сожалѣнію, сегодня здѣсь такихъ очень не много), хорошо помнимъ, каково было отношеніе къ этимъ уставамъ въ самомъ началѣ ихъ дѣйствія со стороны не только специалистовъ, но и всего русскаго общества. Это было отношеніе безавѣтнаго, почти религіознаго почтенія. Можно было только славосло-

вить этому великому памятнику законодательной дѣятельности конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ; критическое-же къ нему отношеніе, а тѣмъ болѣе помышленія о какихъ бы то ни было „передѣлкахъ“ даже въ деталяхъ этого памятника почитались тогда въ лучшемъ случаѣ признакомъ юридическаго невѣжества, а вообще показателемъ политической недоброкачественности, почти святотатствомъ.—Какая-же причина такого всеобщаго и рѣшительнаго преклоненія передъ „уставами“ въ странѣ, которая искони вѣковъ привыкла съ грѣхомъ пополамъ и не иначе какъ по нуждѣ подчиняться законамъ? Разумѣется, главная причина—высокое достоинство принциповъ справедливости и свободы, положенныхъ въ основаніе уставовъ. Но была и другая не менѣ важная тому причина. Это—широкая гласность работъ по этому предмету и участіе въ нихъ не только всей юридической публики того времени, но—можно сказать—всей грамотной Россіи: всѣмъ дано было высказаться о желательныхъ переменахъ въ судебномъ строѣ и правилахъ судопроизводства страны; а мнѣ думается, что преданность данному закону, степень уваженія къ нему „за совѣсть“ всегда и вездѣ прямо пропорціональны количеству гражданъ, способныхъ къ участію въ обсужденіи и дѣйствительно такъ или иначе проявившихъ въ томъ участіе.— Но прошли года, прошло и время безотчетнаго увлеченія уставами. Наступило время критическаго отношенія не только къ разнымъ деталямъ въ уставахъ, но даже и къ

¹⁾ Рѣчь эта произнесена въ засѣданіи уголовного отдѣленія СПБ. юр. общества 13 мая передъ распределеніемъ между членами общества занятій по разсмотрѣнію проекта новой редакціи уст. угол. судопр.

самымъ началамъ, положеннымъ въ ихъ основаніе. Да критическое отношеніе еще что-бы? Судебные уставы—дѣло рукъ человѣческихъ, а слѣдовательно, при всѣхъ ихъ достоинствахъ и они не свободны отъ болѣе или менѣе значительныхъ недостатковъ, и указанія на эти недостатки, требовавшія ихъ устраненія, т. е. трезвая и добросовѣстная критика уставовъ только желательны. Началось другое. Началось настоящее гоненіе на уставы и ихъ служителей, былъ даже моментъ, когда за дѣйствительные, а больше мнимые грѣхи судей по уставамъ намъ угрожалъ настоящій „судебный потопъ“... Къ счастью, однако, ничего такого, повидимому, не предстоитъ; полного уничтоженія уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ частей великолѣпнаго дворца законности опасаться не слѣдуетъ. Уважаемый почетный членъ нашего общества, онъ же одинъ изъ главныхъ, если даже не самый главный дѣятель по пересмотру касающейся насъ части судеб. уставовъ Н. С. Таганцевъ въ письмѣ на имя предсѣдателя общества отъ 2 декабря прошлаго года засвидѣтельствовалъ, что нынѣшній пересмотръ уставовъ есть только „предпринятый во время ремонтъ“ названнаго зданія съ цѣлью сохраненія его для будущаго, — ремонтъ, правда, капитальный „съ измѣненіемъ расположенія помѣщеній, обстановки и даже нумераціи комнатъ“. Ну, измѣненіе „нумераціи комнатъ“ еще не большая бѣда даже въ случаѣ необходимости этого измѣненія. По справедливому замѣчанію самого же автора письма, на смѣну намъ придутъ новые дѣятели, для которыхъ эти измѣненія никакого значенія имѣть не будутъ, да и для насъ какого-нибудь года достаточно, чтобы переложить въ памяти старыя цифры на новыя. Гораздо важнѣе измѣненія въ „обстановкѣ“ правосудія, а этихъ измѣненій, повидимому, не мало. Самъ я лично не успѣлъ еще сколько нибудь обстоятельно ознакомиться съ проектомъ, за исключеніемъ той его части, которая касается кассационнаго производства и которая сообщена была Сенату на заключеніе. Но молодые товарищи мои по комитету, какъ оно и слѣдовало, опередили меня, и, по ихъ сообщенію, наиболѣе существенныя изъ этихъ измѣненій заключаются вотъ въ чемъ: 1) устраняется обязательность предварительнаго слѣдствія по дѣламъ о преступленіяхъ, не влекущихъ за собою лишенія *всѣхъ* правъ состоянія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ перечисленныхъ вопросовъ, и замѣняется дознаніемъ полиціи на новыхъ началахъ; 2) соединяется должность слѣдователя и судьи въ одномъ лицѣ; 3) устанавливается участіе присяжныхъ засѣдателей въ угол. судѣ двухъ видовъ: въ *общемъ* и въ *особенномъ* составѣ; 4) по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяж. засѣдателей общаго состава, присутствіе суда можетъ быть образовано изъ одного судьи; 5) на приговоры окружнаго суда безъ участія присяж.

засѣдателей апелляція не допускается; 6) на приговоры уѣзднаго или городского отдѣленія окруж. суда, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, кассационныя жалобы и протесты подаются въ судебную палату; 7) потерпѣвшее отъ преступленія лицо допускается на судъ въ качествѣ субсидіарнаго обвинителя на ряду съ прокурорскимъ надзоромъ, а съ другой стороны прокурорскій надзоръ участвуетъ въ разсмотрѣніи частно-уголовныхъ дѣлъ; 8) вводится особый институтъ судебныхъ приказовъ безъ состязательнаго разсмотрѣнія, по мало-важнымъ дѣламъ. Сверхъ того, предполагается много существенныхъ измѣненій въ особыхъ производствахъ.—Какъ видите новизны не мало. Каковъ духъ ея? Дѣло идетъ, безъ сомнѣнія, не о „реставраціи“ уставовъ, не объ устраненіи наростовъ и перестроекъ, измѣнившихъ ихъ первоначальный (1864) фасадъ, и все таки имѣется серьезное основаніе полагать, что друзьямъ праваго порядка въ Россіи бояться нечего. Въ письмѣ, о которомъ я уже упоминалъ, Н. С. Таганцевъ заявляетъ, что нынѣшній пересмотръ уставовъ представляется отнюдь не „торжествомъ направлений, враждебныхъ для русскаго праворазвитія“, а „данью уваженія и любви къ безсмертному памятнику, данью, приносимую ему его истинными друзьями, проникнутыми желаніемъ сохранить на долго для Россіи этотъ залогъ правосудія“. Если-же это такъ (а Н. С. Таганцеву какъ же не повѣрить?), то на насъ, какъ несомнѣнно искреннихъ друзей законности и правосудія безъ тенденцій и лицепріятія, лежить уже прямая обязанность сдѣлать и съ своей стороны все, что можно, чтобы „ремонтъ“ удался и чтобы храмъ нашъ по крайней мѣрѣ не сталъ менѣе удобнымъ и величественнымъ, чѣмъ возможно при современныхъ ресурсахъ.—Приведенныя слова письма Н. С. Таганцева, имѣютъ для насъ еще и другое значеніе. Замѣчаніе, что проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть дань любви уставамъ, приносимая отъ друзей, не только даетъ намъ право, но даже обязываетъ насъ войти въ обсужденіе этого проекта, какъ можно глубже, ибо составители его въ нашей пріязни къ „общему другу“ понятно не сомнѣваются, и слѣдовательно, замѣчанія наши примутъ не какъ нападки враговъ, а только какъ сильную, вполне доброжелательную дань общему дѣлу.—Что, однако-же, мы можемъ и должны сдѣлать? Да, прежде всего, по примѣру предшественниковъ нашихъ, тщательно изучить будущій уставъ и такимъ образомъ своевременно приготовиться къ надлежащему примѣненію его. Вѣдь примѣненіе закона вѣситъ въ практической жизни значительно болѣе самаго сочиненія его, и „новая редакція“ уставовъ, каковы бы ни были ея достоинства, можетъ очень скоро обветшать и въ свою очередь потребовать „ремонта“, если исполнители и наблюдающіе за исполненіемъ своевре-

менно не проникнутся духомъ творцовъ ея и такую къ ней любовью и преданностью, какая отличала судебныхъ дѣятелей „перваго призыва“.—Изучая-же проектъ, мы попутно будемъ дѣлать и замѣчанія о степени дѣлособразности, съ точки зрѣнія правильнаго правосудія, тѣхъ измѣненій, какія вносятъ „новая редакція“ въ дѣйствующій уставъ,—замѣчанія, конечно, только доброжелательныя, и при томъ безъ длинныхъ рѣчей, чтобы дать возможность высказаться всѣмъ желающимъ изъ гг. членовъ общества и достаточно во время закончить это дѣло. Замѣчанія-же эти, отъ кого бы они не исходили и какъ бы кратки ни были, мы добросовѣстно занесемъ въ свои протоколы и напечатаетъ въ нашемъ органѣ. Весьма возможно, что заключенія наши, какъ исходящія отъ спеціальнаго общества, встрѣтятъ должное вниманіе уже и теперь, т. е. со стороны составителей проекта или тѣхъ лицъ, которыя будутъ обсуждать его *ex officio* при дальнѣйшемъ движеніи дѣла. Но если этого и не случится, то навѣрное случится другое: когданибудь, послѣ превращенія проекта въ законъ, какой-нибудь юристъ трудолюбивый просмотритъ наши протоколы и, сопоставивъ замѣчанія наши на проектъ съ указаніями жизни, повѣдаетъ потомству, что въ столь важный для правосудія нашей страны историческій моментъ мы не „сидѣли сложа руки“, а дѣлали, въ качествѣ добровольцевъ, что могли. А это что-нибудь да значить-же?

Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія.

(Окончаніе)¹⁾.

Перехожу къ центральнымъ статьямъ—61 и 62. Здѣсь нормированъ главнѣйшій вопросъ—отношеніе неустойки и интереса другъ къ другу—и въ общемъ нормированъ приблизительно правильно, какъ уже указывалось и подчеркивалось выше. Но и здѣсь внѣшняя сторона дѣла сильно хромаетъ. Нѣтъ требуемой стройности, внутренняго порядка, симметріи частей, а потому нѣтъ и достаточной точности и ясности, а времена и полноты.

Въ ст. 61 п. 1 читаемъ:

„Если неустойка назначена на случай неисполненія должникомъ обязательства, то вѣритель имѣетъ право требовать или платежа неустойки, или же исполненія обязательства и, въ случаѣ неисполненія,—возмѣщенія убытковъ“.

Противъ этой части статьи возражать не приходится. Но неудовлетворителенъ уже слѣдующій ея пунктъ:

„Требовать и неустойку, и исполненія обязательства вѣритель можетъ лишь въ томъ случаѣ, если это

постановлено въ договорѣ, или если неустойка назначена за несвоевременное либо вообще ненадлежащее исполненіе обязательства“.

Здѣсь опять соединены матеріи разнородныя. Совершенно ясно, что въ случаѣ требованія и исполненія и неустойки, назначенной за неисполненіе, мы встрѣчаемся съ началомъ *кумулятивнымъ*, въ то время какъ при взысканіи, сверхъ требованія объ исполненіи, неустойки, условленной на случай несвоевременнаго или ненадлежащаго исполненія,—предъ нами начало все же *альтернативное*. Въ первомъ случаѣ неустойка *карательная*: она—*штрафъ*; во второмъ неустойка *оуѣночная*: она представляетъ *убытки* отъ промедленія или дефектности исполненія—убытки, которые могли бы взыскиваться, сверхъ исполненія, и помимо всякаго неустойчнаго договора. Данное различіе сознаютъ и сами редакторы (Записка стр. 142 сл.), не раздѣляющіе, такимъ образомъ, распространеннаго въ литературѣ¹⁾ неправильнаго пониманія „кумуляціи“. Тѣмъ менѣе имъ надлежало слѣдовать примѣру остзейскаго свода (ст. 3374) и соединять, да еще въ одинъ пунктъ, намѣченные два случая.

Если бы, добавлю еще, проектъ не ставилъ себѣ совершенно ненужной задачи подчеркивать отъ времени до времени свободу контрагентовъ при регулированіи своихъ отношеній по неустойкѣ, то онъ опять-таки само собою избѣжалъ бы только что упомянутой ошибки: первая часть п. 2 ст. 61 исчезла бы, отчего дѣло только бы выиграло.

Чтобы не нарушать естественной связи между вопросами, оставимъ пока въ сторонѣ третій пунктъ нашей статьи и займемся ст. 62. Она опредѣляетъ:

„Вѣритель, требующій вмѣсто неустойки вознагражденія за убытки отъ неисполненія обязательства, имѣетъ право на вознагражденіе, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ неустойки“.

Уже на первый взглядъ бросается въ глаза слѣдующее. Отчего предусматривается одинъ только случай убытковъ (а, слѣдовательно, и неустойки) отъ *неисполненія*? А гдѣ же нормировка въ данномъ отношеніи другого случая и вида неустойки—неустойки, предназначенной обезпечить *правильность*, въ особенности *своевременность* исполненія? Вѣдь, ст. 62 должна соответствовать обоимъ случаямъ ст. 61, должна относиться и къ первому и ко второму ея пункту. А между тѣмъ она регулируетъ лишь такой, напримѣръ, казусъ. Лицо А. выговорило себѣ отъ В., въ случаѣ непоставки послѣднимъ товара, неустойку въ 100. В. товара не поставилъ. А., вмѣсто того чтобы взыскивать неустойку, почему-то (быть можетъ, онъ это считаетъ для себя болѣе выгоднымъ) ищетъ на общемъ основаніи вознагражденія за вредъ, причиненный неисполненіемъ договора. Хотя бы этотъ вредъ по оцѣнкѣ (вопреки, положимъ, ожиданію итца) оказался равенъ лишь 90, А. все-таки получитъ 100. Этотъ случай, говорю, дѣйствительно предусмотрѣнъ ст. 62, но стоитъ его нѣсколько видоизмѣнить, чтобы тотчасъ же пришлося стать въ тупикъ. Что если неустойка въ 100 выговорена на случай *запозданія* не менѣе, скажемъ,

¹⁾ См. „Право“ № 23.

¹⁾ См. мое соч., стр. 107 сл.

чѣмъ на мѣсяць, и этотъ предусмотрѣнный сторонами случай дѣйствительно наступилъ, а лицо А. по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и прежде, предъявило искъ не о неустойкѣ, а объ убыткахъ, которые затѣмъ судомъ оцѣниваются въ 90. Получитъ-ли А., несмотря на это, и здѣсь свои 100?—Не знаю; этого, правда, слѣдуетъ ожидать, такъ какъ въ основу регулированія вопроса принципъ, очевидно, долженъ быть положенъ тотъ же, но ст. 62 объ этомъ не обмолвилась ни единымъ словомъ. Безспорно, такимъ образомъ, какъ вносящія произвольное и неразумное ограниченіе, должны быть опущены. Это развѣ. Но та же статья 62 дефектна еще и въ другомъ отношеніи. Какъ только-что выяснено, она имѣетъ въ виду случай обращенія вѣрителя къ общему иску объ ущербѣ, вмѣсто неустойки, которая, однако, оказывается больше наличнаго или могущаго быть доказаннымъ размѣра вреда. Но возьмемъ случай обратный. Вѣритель обращается къ иску о неустойкѣ, условленной въ размѣрѣ, положимъ, 100, и взыскиваетъ эти 100. Впослѣдствіи же онъ убѣждается, что его убытки=120. Можетъ ли онъ довыскать 20? Въ отвѣтъ на это ст. 62 снова молчитъ, — несмотря даже на то, что этотъ непредусмотрѣнный ею случай для практики много важнѣе противоположнаго случая, въ ней указаннаго. Обыкновенно вѣритель начинаетъ не съ иска по главному обязательству, а съ иска о неустойкѣ: онъ такимъ путемъ избѣгаетъ необходимости доказывать свой интересъ, къ чему стремится прежде всего. Отсюда, между прочимъ, понятно, почему римскіе юристы, при обсужденіи вопроса о дополнительномъ требованіи, касающемся всего только одного случая предъявленія общаго иска *post* иска о неустойкѣ. Между тѣмъ проектомъ этотъ именно случай совершенно игнорируется. Изъ объяснительной записки даже не видно, чтобы составители отдавали себѣ отчетъ въ его возможности. Что касается того, какъ его должно рѣшить въ законѣ, то, разумѣется, отвѣтъ ясенъ: на позвѣ римскаго, строго альтернативнаго отношенія нѣтъ основанія нормировать неодинаково оба случая. Подобно тому какъ въ первомъ случаѣ вѣритель долженъ имѣть право на все 100, т. е. на дополученіе 10 изъ неустойки, точно такъ же во второмъ ему слѣдуетъ предоставить право довыскать недостающіе 20 изъ суммы убытковъ.

И, въ-третьихъ, не проще, не предпочтительнѣе-ли регулировать *цѣлкомъ* каждый изъ двухъ кардинальныхъ, съ точки зрѣнія оборота, видовъ неустойки, — другими словами, не лучше-ли (по образцу германскаго уложенія §§ 340 сл.) посвятить по отдѣльной статьѣ, съ одной стороны, неустойкѣ, призванной обезпечить исполненіе вообще, а, съ другой, неустойкѣ, предназначенной служить дѣлу надлежащаго, своевременнаго исполненія?

Все приведенныя соображенія будутъ, думается, приняты во вниманіе, если формулировать слѣдующимъ образомъ (какъ мною уже было предложено до выхода въ свѣтъ проекта книги пятой гражданскаго уложенія ¹⁾):

„Если неустойка назначена на случай неисполненія должникомъ обязательства, то вѣритель можетъ

требовать или его исполненія или, вмѣсто того, уплаты неустойки.

Если вѣрителю принадлежитъ право на вознагражденіе за убытки вслѣдствіе неисполненія, то онъ можетъ требовать, взаимѣ того, уплаты неустойки, какъ низшаго размѣра убытковъ. Не исключается право вѣрителя на дополнительное взысканіе убытковъ, поскольку они превышаютъ размѣръ неустойки.“ ¹⁾ Слѣдующую затѣмъ статью можно редактировать такъ:

„Если неустойка назначена на случай ненадлежащаго исполненія должникомъ обязательства, въ особенности же на случай опозданія, то вѣритель имѣетъ право на уплату неустойки, сверхъ требованія объ исполненіи.

Если вѣрителю принадлежитъ право на вознагражденіе за убытки вслѣдствіе ненадлежащаго исполненія, то примѣняются правила второй части предыдущей статьи.“

Возвращаюсь къ третьему пункту 61 ст.:

„Вѣритель, принявшій несвоевременное или ненадлежащее исполненіе обязательства безъ оговорки относительно сохраненія за собой права на неустойку, признается отказавшимся отъ неустойки.“

Это положеніе представляетъ воспроизведеніе § 341 Abs. 3 германскаго уложенія, которое въ данномъ отношеніи, въ свою очередь, приняло за образецъ нѣкоторыя другія законодательства (прусское, саксонское, отчасти швейцарское). И тѣмъ не менѣе п. 3 ст. 61, по моему глубокому убѣжденію, долженъ быть зачеркнутъ. Противъ него говорить уже слѣдующее, весьма простое соображеніе. Вѣритель имѣетъ право на двоякое удовлетвореніе: и на выполненіе должникомъ основнаго дѣйствія, и на неустойку. Онъ принимаетъ одно изъ нихъ, первое, безъ оговорки; въ результатѣ оказывается потеря для него втораго удовлетворенія. Почему такъ? не странный-ли это, по истинѣ, результатъ? Вѣдь, если неустойки не выговорено вовсе, то ничто не препятствуетъ кредитору, принявъ—хотя бы безъ дальнѣйшаго—удовлетвореніе по главному договору, искать еще убытковъ, происшедшихъ, положимъ, отъ промедленія. По современному праву вѣритель, точно также имѣетъ или долженъ имѣть рѣшительное право на проценты даже послѣ того, какъ самый капиталъ уже полученъ ¹⁾ и т. д. Отчего же здѣсь, при неустойкѣ, этой напередъ опредѣленной цифрѣ вреда, дѣлу обстоитъ иначе, — вопреки „основнымъ началамъ правосудія“, какъ вѣрно замѣчали (оставшіеся въ меньшинствѣ) противники интересующей насъ нормы при оцѣнкѣ ея въ комиссіи по созданію втораго Entwurf'a? Чего только не приводилось въ защиту нашего правила? Одно время утверждали, что римскіе юристы держались его въ своихъ рѣшеніяхъ. Но эта легенда, отразившаяся и на созданіи прусскаго AIR : I, 5 § 307, благополучно разсѣяна. Далѣе, говорили, что молчаніе вѣ-

¹⁾ Если Е. В. Васильевскій (I. с.) говорить, что слова „какъ низшаго размѣра убытковъ“ излишни, такъ какъ-де за ними вездѣ идетъ оговорка: „не исключается право и т. д.“, то онъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что (какъ сейчасъ показано) данныя выраженія относятся къ двумъ различнымъ случаямъ.

¹⁾ Dernburg Pand. II стр. 87 сл.

¹⁾ Назв. соч. прилож. I.

рителя насчетъ его дальнѣйшихъ притязаній особенно знаменательно; что на вѣрителя лежитъ обязанность заявлять несправному должнику о своихъ по адресу его, должника, намѣреніяхъ въ будущемъ, и т. п. Думается, что для признанія этихъ и подобныхъ доводовъ болѣе, чѣмъ шаткими, даже не требуется тѣхъ основательныхъ замѣчаній критическаго характера, которые были сдѣланы лейпцигскимъ имперскимъ судомъ. Ихъ несостоятельность и безъ того совершенно ясна. — Полагаю, не будетъ ошибки, если скажу, что и прусская норма и всѣ вытекшіе изъ нея параграфы и статьи въ другихъ уложеніяхъ своимъ происхожденіемъ въ значительной степени обязаны ложно понятой и ложно примѣненной идеѣ о задачахъ законодателя, которая, будто бы, состоятъ въ томъ, чтобы все предусмотрѣть, все объять, все регламентировать. Но такое пониманіе, еще объяснимое въ эпоху созданія Ландрехта, въ наше время—уже несомнѣнный анахронизмъ. И правъ Гирке, когда твердитъ: „Ein weises Gesetzbuch muss bescheiden sein“. Нашъ вопросъ въ частности есть вопросъ факта. Намъ говорятъ (записка I стр. 143): можетъ родиться предположеніе, что вѣритель, принявшій безъ резерваціи неточное исполненіе, предпочелъ имъ удовольствоваться. Отвѣчу: если *in concreto* такое предположеніе дѣйствительно могло, съ достаточнымъ для себя основаніемъ, зародиться въ умѣ должника, то согласно съ тѣмъ и поступитъ судья, разрѣшая данную *quaestio facti*. Онъ тогда откажетъ кредитору, который въслѣдствіи явится со своимъ требованіемъ неустойки, ибо признаетъ, долженъ будетъ признать справедливымъ и умѣстнымъ возраженіе отвѣчика о недобросовѣстности: вѣчно юная *exceptio doli*, безъ которой ни одно право обойтись не можетъ, окажетъ свое благое дѣйствіе и въ данномъ случаѣ. Но такое положеніе дѣла вовсе не обязательное, отнюдь не единственно возможное. Нетрудно, наоборотъ, представить себѣ картину, гдѣ, при аналогичныхъ внѣшнимъ образомъ условіяхъ, нѣкоторая тѣнь въ отношеніи нравственномъ падетъ не на вѣрителя, а на должника. Позволю себѣ здѣсь повторить то, что приводилось мною уже въ другомъ мѣстѣ.¹⁾ Мало-ли по какимъ причинамъ — воплію дозволеннымъ и нормальнымъ — вѣритель молчитъ! Быть можетъ, онъ просто упускаетъ изъ виду, что имѣетъ еще добавочное право на неустойку, или вовсе не знаетъ этого, или не сразу взвѣшиваетъ весь причиненный ему ущербъ. А должникъ между тѣмъ тщательно старается избѣжать вопроса о неустойкѣ, желая отвлечь своего контрагента отъ мысли о ея взысканіи. А въслѣдствіи, когда кредиторъ, вспомнивъ или освѣдомившись о своемъ правѣ, или пожелавъ имъ воспользоваться, предъявитъ свое дополнительное требованіе, тотъ же должникъ, который раньше призналъ бы это требованіе вполне законнымъ, теперь станетъ его оспаривать съ полнымъ для себя успѣхомъ. На чьей же сторонѣ тутъ *dolus*? и согласно-ли, такимъ образомъ, съ этикой, цѣлесообразно ли регулировать всѣ случаи, могущіе возникнуть въ занимающемъ насъ теперь отношеніи, однообразно, по развѣ навсегда установленному, неподвижному шаблону, вмѣсто того чтобы предоставить разрѣшеніе ин-

дивидуальнаго случая толкованію каждый разъ истиннаго намѣренія сторонъ, какъ-то дѣлали друзья-римляне?

А, вдобавокъ, вотъ что говорить по нашему вопросу Дернбургъ, корифей, по адресу котораго весьма правильно замѣчено, что „трезвый и практическій взглядъ на житейскія отношенія и нормы, ихъ регулируюція, соединяется у него съ любвеобильнымъ и идеалистическимъ въ нравственномъ смыслѣ... настроеніемъ“¹⁾. Въ своемъ курсѣ прусскаго гражданскаго права (II § 41 п. 3) Дернбургъ заявляетъ: „...Dies hat das a. L. R. I, 5 § 307 recipirt und zur Rechtsregel gemacht. Es liegt hierin eine Fiktion, auf deren Uebereinstimmung mit der Wirklichkeit es weiter nicht ankommt. Einer unerfreulichen Kasuistik ist damit die Thürgeöffnet...“ И засимъ идутъ дальнѣйшія, вызванныя § 307 ст. 1, разлеченія, переносящія насъ въ эпоху формальной теории доказательствъ и *mira distinctionum, limitationum* и т. п. постгlossаторовъ. На пространствѣ цѣлой страницы излагается, какая оговорка, съ точки зрѣнія названнаго параграфа, должна быть достаточна и какая нѣтъ; когда она нужна, когда не нужна, и т. д.²⁾

Неужели эта картина способна кого-либо прельстить, возбудить въ немъ желаніе и мечту увидѣть ее и у себя, въ своемъ правѣ?!

Намъ осталось разсмотрѣть § 64 Проекта:

„Если въ договорѣ назначена неустойка въ очевидно преувеличенномъ размѣрѣ или если она представляется чрезмѣрно въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части, то судъ можетъ, по просьбѣ должника, уменьшить размѣръ неустойки, но обязанъ при этомъ принять въ соображеніе не только имущественные, но и другіе справедливые интересы вѣрителя“.

Данная статья—чуть-ли не простой переводъ первой части знаменитаго § 343 новаго германскаго уложенія. Единственное существенное измѣненіе заключается въ вставкѣ: „или если она представляется чрезмѣрно въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части“. Вставка эта навѣяна другою группой законодательства, допускающихъ пониженіе судьей размѣра неустойки, которая это пониженіе ставитъ въ зависимость отъ частичнаго исполненія должникомъ своего обязательства (французскій и италіанскій кодексы)³⁾.

О полномъ предоставленіи суду права уменьшать опредѣленную сторонами цифру неустойки я уже высказывался неоднократно, въ томъ числѣ и на страницахъ этой газеты.⁴⁾ А потому мнѣ теперь можно быть краткимъ. Если уже BGB. § 343, вызываетъ

¹⁾ Л. I. Петражицкій въ „Правъ“ № 13 за 1900 г. стр. 668.

²⁾ Ср. Дернбурга же въ его Das bürgerl. Recht II, I стр. 231 и Förster-Eccius, Theorie und Praxis I § 107 прим. 45 и 46.

³⁾ Ср., впрочемъ, въ виду подчеркиванія Проектомъ незначительности недодѣланнаго должникомъ, еще BGB. § 320 п. 2, въ также что по этому поводу говоритъ Endemann Lehrb. d. bürgerl. Rechts I стр. 603.

⁴⁾ См. № 44 за 1899 г. стр. 2077 сл.; ср., главнымъ образомъ, мое назв. соч. § 25.

скептическое брожение, какъ рѣзкое вторженіе въ сферу частной автономіи, не оправдываемое ни свойствомъ судейской дѣятельности, ни опытомъ другихъ странъ (дореволюціонной Франціи, Австріи и Швейцаріи), ни, наконецъ, необходимостью, — то по адресу ст. 63 нашего Проекта скептицизмъ еще значительно сильнѣе и переходитъ въ полное отрицаніе. Скажу прямо: съ точки зрѣнія законности и стремленія къ ея усиленію — точки зрѣнія важной всюду и вездѣ, а у насъ, въ Россіи, сугубо важной, мѣра, проектируемая ст. 63, должна, думается мнѣ, почитаться *опасной* а, какъ таковая, несмотря на свою симпатичность, должна быть отвергнута. Подчеркну еще только, что, вдобавокъ, русской оборотъ въ ней и нуждается еще меньше, чѣмъ оборотъ германскій, который въ гораздо большемъ числѣ и степени знаетъ случаи непомѣрно высокихъ неустоекъ. И при этомъ отмѣчаю, что къ заключенію о совершенной ненужности ст. 63 критика пришла еще и по другимъ соображеніямъ, вполне основательнымъ, почерпнутымъ изъ разсмотрѣнія положеній Проекта о вознагражденіи за вредъ неимущественный¹⁾.

На случай если бы, несмотря на все это, законодатель тѣмъ не менѣе склонился къ признанію у насъ неограниченнаго права суда измѣнять установленный сторонами размѣръ неустойки, — необходимо прибавить, что распространять означенное судейское право на область *торговыхъ* сдѣлокъ уже вовсе нѣтъ основанія. Даже въ Германіи, и тамъ, при наличности § 343 BGB, интересующее насъ правомочіе судьи все-таки не рѣшилось ввести въ новое торговое уложеніе (HGB, ст. 10 V, 1897 г., § 348). — На худой конецъ, слѣдовательно, желательна прибавка къ ст. 63 въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе ея не распространяется на сдѣлки торговыя²⁾.

Выше я упомянулъ о содержащейся въ ст. 63 проекта вставкѣ (по сравненію съ BGB, § 343), относящейся къ случаю пониженія судомъ неустойки *при частичномъ исполненіи основного обязательства*. Необходимо указать въ заключеніе, что въ этомъ частномъ своемъ видѣ судейское пониженіе можетъ найти для себя достаточное оправданіе. Оставляя рядъ другихъ доводовъ, приводимыхъ французскими ораторами и писателями въ пользу соответственной нормы Code'a, я остановлюсь только на одномъ. Вмѣстительство судьи, говоритъ, на примѣръ, небезызвѣстный Bigot-Prémeneu, правильно здѣсь потому, что при наличности частичнаго исполненія наступившій случай долженъ считаться отличнымъ отъ того, который имѣлся въ виду сторонами, а, стало быть, непредусмотрѣннымъ, стоящимъ внѣ всякаго отношенія къ условленной пенѣ. Это же самое соображеніе въ сущности повторять и Oertmann (ad B. V. § 339), который только формулируетъ его нѣсколько полнѣе. Вѣритель, замѣчаетъ онъ, не обязанъ принимать неполное или дефектное исполненіе, но „если такое исполненіе тѣмъ не менѣе

принято, то въ такомъ случаѣ предъ нами только „ненадлежащее исполненіе“ (въ смыслѣ, напр., уже не § 340, а § 341 германскаго уложенія), и долженъ возникнуть вопросъ, условлена-ли неустойка и на этотъ случай, а если условлена, то какаѣя“.

Это разсужденіе, думаю, дѣйствительно способно насъ убѣдить, что вѣритель, принявшій часть исполненія, — буде, прибавлю еще отъ себя, эта часть представляетъ для него нѣкоторый интересъ — не можетъ болѣе искать всей неустойки, призванной обезпечить полное исполненіе. А отсюда, въ свою очередь, открывается двоякая возможность: или предоставить вѣрителю искъ объ убыткахъ вслѣдствіе неполноты исполненія *на общемъ основаніи*, — что не требуетъ никакой особой нормы и можно осуществить безъ введенія новой статьи въ кодексъ, — или же перенести въ наше будущее уложеніе статью 1231 Наполеонова кодекса, къ тому же благополучно дѣйствующую у насъ въ губерніяхъ Царства Польскаго:

„Размѣръ неустойки можетъ быть судомъ уменьшенъ, если главное обязательство уже отчасти исполнено (слѣдуетъ добавить: „и принято“¹⁾).

— Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія на статьи проекта о неустойкѣ. Мы видѣли, что нѣкоторыя его нормы оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, неудовлетворительными, главнымъ образомъ, со стороны вышней, редакціонной, другія — совершенно излишними. Наоборотъ, такихъ положеній, которыя были бы желательны, но въ проектѣ отсутствовали бы, мы не наблюдали. Редакторы, очевидно, разсудили вполне правильно, что незачѣмъ, по примѣру преимущественно старыхъ кодексовъ, въ уложеніе включать постановленіе, напр., о томъ, что неустойка не тождественна съ отступнымъ, или что условіе о неустойкѣ не должно прикрывать собою ростовщическую сдѣлку, или положимъ, о томъ, какъ имѣютъ быть распределены роли сторонъ при доказываніи и т. п.

М. Я. Пергаментъ.

Окончательные приговоры мировыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ въ Сибири.

Временныя правила 13 мая 1897 г. о введеніи въ Сибиріи судебныхъ уставовъ окончательными приговорами мировыхъ судей считаютъ тѣ, которыми опредѣляется штрафъ вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за вредъ или убытки не свыше 100 р., а арестъ не свыше 3 дней (ст. 1263 уст. угол. судопр.). Повидимому, эта статья закона не даетъ повода къ недоразумѣніямъ и различнымъ толкованіямъ: въ окончательномъ приговорѣ не можетъ быть опредѣлено ареста свыше 3 дней или штрафа свыше 100 р.

Однако въ практикѣ нѣкоторыхъ сибирскихъ мир.

¹⁾ См. статью І. А. Покровскаго „Справедливость, усмотрѣніе судьи и судебная опека“ въ Вѣстникѣ Права Декабрь 1899, стр. 59 слл., 70 слл.

²⁾ Ср. В. с. А. Удинцевъ, Исторія обособленія торговаго права 1900 ст. 171 сл. (Въ примѣненіи къ Германіи я, впрочемъ, держусь иного взгляда: назв. соч. стр. 328).

¹⁾ Ср. І. А. Покровскій въ указ. мѣстѣ стр. 76, который еще настаиваетъ на пропорціональности пониженія, требуя, чтобы судъ и при пониженіи руководствовался „не своими соображеніями справедливости и пр., а, именно, характеромъ самого соглашенія сторонъ“. См. также мое соч. стр. 275 сл.

судей неоднократно встрѣчались случаи, когда въ окончательныхъ приговорахъ штрафъ до 100 р. замѣнялся арестомъ *свыше* трехъ дней (такъ по одному дѣлу 25-ти рублевый штрафъ замѣненъ арестомъ на 2 недѣли). Такая замѣна, очевидно, основывается на 2 п. ст. 7 устава о наказаніяхъ и рядѣ сенатскихъ рѣшеній (^{71/305} Вульфсона, ^{71/867} Сазонова, ^{75/497} Самодумскаго, ^{87/6} — Шнайдера), по которымъ штрафъ свыше 15 р. и до 300 р. замѣняется арестомъ отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ: Пр. Сенатъ въ указанныхъ рѣшеніяхъ разъяснилъ, что судъ не обязанъ держаться пропорціональности при такой замѣнѣ и что, слѣд., въ распоряженіи суда всегда имѣется право замѣны въ очень широкихъ предѣлахъ.

Во внутренней Россіи, гдѣ въ окончательномъ приговорѣ не можетъ быть опредѣленъ штрафъ свыше 15 руб., никакая коллизія между 124 ст. уст. угол. суд. и 1 пункт. ст. 7 уст. о наказ. невозможна, а въ Сибири (и на Кавказѣ) коллизія между 1263 у. у. с. и 2 п. 7 ст. о нак. возможна на каждомъ шагѣ, какъ это и показалъ опытъ.

Какъ же выйти изъ затрудненія, какъ примирить точный, категорическій смыслъ ст. 1263 у. у. с. со 2 п. ст. 7 уст. о нак.?

Думается, что рѣшеніе должно быть въ пользу 1263 ст., которая, увеличивая максимальный размѣръ штрафа въ окончательномъ приговорѣ, *оставила безъ измѣненія максим. размѣръ ареста*. Законодатель очень остороженъ, давая суду *безапелляціонное* право присужденія гражданъ къ лишенію свободы. Онъ не предвидѣлъ „раздора“ 1263 ст. у. у. с. и 7 ст. уст. о нак. Оставаясь вѣрнымъ *духу* суд. уставовъ, слѣдуетъ признать, что въ окончательномъ приговорѣ не можетъ быть опредѣлено ареста свыше 3 дней, хотя бы арестъ былъ лишь *замѣняющимъ* наказаніемъ. Последнее обстоятельство не мѣняетъ существа дѣла. Если не держаться принципа пропорціональности при такой замѣнѣ, то можно допустить случаи замѣны 100 рублевого штрафа 2 и болѣе мѣсяцами ареста. И это въ приговорѣ, который не подлежитъ повѣркѣ по существу въ высшей инстанціи!.

Но если поднятый нами вопросъ слѣдуетъ рѣшить въ пользу 1263 ст. у. у. с. въ случаяхъ, когда штрафъ является *единственнымъ* наказаніемъ, представленнымъ судѣ, и когда слѣд., арестъ опредѣляется лишь „при несостоятельности“, — то еще съ большимъ основаніемъ такое рѣшеніе должно быть принято въ случаяхъ, когда въ распоряженіи судьи альтернативно находятся и штрафъ и арестъ.

Напр., ст. 128 уст. о нак. Здѣсь предусматриваетъ арестъ до 1 мѣсяца и штрафъ до 100 р. Опредѣляя въ указанномъ нами случаѣ (выше) штрафъ въ 25 р. и постановляя, что „въ случаѣ несостоятельности“ этотъ штрафъ долженъ быть замѣненъ арестомъ на 2 недѣли, — мир. судья въ сущности постановилъ *окончательный* приговоръ, присуждающій обвиняемаго къ 2 нед. ареста. Но этотъ приговоръ, объявленный „на правѣ кассационнаго обжалованія“, во всякомъ случаѣ не можетъ быть признанъ окончательнымъ, ибо его нельзя оправдать даже 2 п. ст. 7 уст. о нак., такъ какъ въ данномъ случаѣ (по 128 ст. уст. о нак.) арестъ

является *самостоятельнымъ*, а не замѣняющимъ наказаніемъ.

Кромѣ того, здѣсь не применимы разъясненія Сената о пропорціональности замѣны штрафа арестомъ. По дѣлу Шнайдера (^{87/6}) Сенатъ проводитъ принципиальную разницу между арестомъ, какъ замѣняющимъ наказаніемъ, и арестомъ, какъ самостоятельнымъ наказаніемъ, требуя въ последнемъ случаѣ пропорціональности при замѣнѣ. Очевидно, не будетъ пропорціональной замѣны 5 рублевого штрафа 2 нед. ареста! Такимъ образомъ въ обоихъ категоріяхъ взятыхъ нами случаевъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что сиб. мир. судьи должны держаться точнаго смысла ст. 1263 у. у. с. Такое рѣшеніе покоится на смыслѣ послѣдней статьи, на исторической послѣдовательности возникновенія 7 ст. уст. о нак. и вр. правилъ 13 мая 1896 г., на общемъ началѣ — осмотрительности законодателя при врученіи суду безапелляціоннаго права присужденія гражданъ къ лишенію свободы и, въ частности по отношенію ко второй категоріи взятыхъ нами случаевъ, на рѣшеніи Сената по дѣлу Шнайдера..

Было бы желательно, чтобы юридическая пресса останавливалась на этомъ важномъ вопросѣ подробнѣе, ибо приговоры и рѣшенія сиб. мир. судей не доходятъ до Сената, а рѣшенія нашей высшей кассационной инстанціи для мировой подсудности судебной палаты не публикуются во всеобщее свѣдѣніе.

М. Вейлинъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Выѣздная сессія кievской судебной палаты.

Дѣло братьевъ Скитскихъ¹⁾.

(Отъ нашего корреспондента).

(Продолженіе).

20 мая (2-й день).

Открытіе засѣданія послѣдовало въ 9^{1/2} часовъ утра.

Экспертъ проф. Орловъ обращается къ палатѣ съ просьбою освободить его отъ участія въ экспертизѣ, указывая на то, что заключеніе по дѣлу могутъ дать такіе представители медицинской науки, какъ профессора Патенко и Оболенскій.

Стороны не встрѣчаютъ препятствія къ освобожденію проф. Орлова и палата освобождаетъ его.

Затѣмъ экспертъ д-ръ Устименко проситъ председателя допросить близкихъ къ покойному Комарову лицъ по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Употреблялъ-ли покойный Комаровъ спиртные напитки?

2) Не злоупотреблялъ-ли ими?

А экспертамъ по веревочной части Устименко проситъ-бы задать вопросъ: какимъ способомъ была скручена веревка?

Председатель прерываетъ эксперта, заявляя, что по этому послѣднему заявленію можно будетъ узнать, когда слѣдствіе коснется веревочной экспертизы, такъ какъ дѣло ведется въ извѣстной системѣ, свидѣтели допрашиваются по группамъ и осложнять его неудобно.

¹⁾ См. Право №№ 22 и 23.

Для выяснения же первых двух вопросов вызывается свидетельница Комарова.

Председатель. Скажите, пожалуйста, употребляли ваш покойный муж какие-либо спиртные напитки? Комарова. Да, он пил, как люди; иногда перед обѣдом выпивал рюмку водки, но не всегда; пил за обѣдом бѣлое вино.—Но не злоупотреблял?—Нѣтъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.—Г-жа Будаевская, пожалуйста сюда.

Выходитъ Будаевская.

Председ. Употреблял ваш зять спиртные напитки? Будаевская. Иногда совсѣмъ не употреблял, иногда выпивалъ очень немного.—Но не злоупотреблял?—Нѣтъ, какъ можно.—Котелевецъ, вы что скажете на эти вопросы,—употреблялъ покойный секретарь спиртные напитки?

Котелевецъ (растерянно). Про это я не могу знать.

Прокуроръ. Всякій вопросъ, задаваемый для выяснения дѣла, долженъ имѣть определенное отношеніе къ интересующему насъ предмету; эксперты по медицинской части могутъ касаться только тѣхъ сторонъ дѣла, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ ихъ специальности. Вопросы же общезначительскаго характера не должны быть задаваемы экспертами. Поэтому я хотѣлъ бы знать, какое отношеніе все это имѣетъ къ дѣлу.

Председатель. Я полагаю, что эксперты знаютъ, къ чему и для чего они задаютъ подобные вопросы.

Карабчевскій. Я полагаю, что именно такъ; насколько мнѣ думается, вопросъ о томъ, употреблял ли Комаровъ спиртными напитками важенъ и съ точки зрѣнія медицинской экспертизы, какъ имѣющій отношеніе къ вопросу о смерти отъ асфиксии.

Выховскій. Я присоединяюсь къ мнѣнію г-на прокурора; я тоже не понимаю, къ чему заводятъ подобную рѣчь, и не знаю, какой мнѣ матеріалъ собирать.

Председатель. Вы узнаете изъ заключенія экспертовъ.

Выховскій. Тогда я желалъ бы, чтобы эти вопросы были предложены и свидетельницамъ Дудиной.

Председатель. Свидетельница Дудина, пожалуйста сюда. Выпивалъ ваш покойный братъ?

Дудина. Очень мало, очень мало. Передъ обѣдомъ выпивалъ только одну рюмочку водки; въ гостяхъ также не пилъ; за обѣдомъ выпивалъ мажорантскій стаканчикъ краснаго вина. Водку въ домѣ держалъ,—какъ же,—надо сторожей угостить; пива вовсе не было.—А не злоупотреблялъ онъ, никогда до пьяна не напивался.—Боже упаси, никогда не напивался, никогда.

Зеленскій (къ председателю). Ваше превосходительство, я желалъ бы задать свидетельницѣ Бородаевой еще одинъ вопросъ? Председатель. Пожалуйста. Свидетельница Бородаева, потрудитесь отвѣчать защитнику Зеленскій. Вамъ не рассказывала г-жа Александровичъ о томъ, что 14-го іюля въ 5 часовъ вечера она видѣла господина, идущаго отъ опытнаго поля? Бородаева. Да, рассказывала. Это—жена моего брата; она каталась въ полѣ и видѣла по дорогѣ отъ Яновцовъ возвращающагося опытнымъ полемъ около 5 часовъ часовъ вечера.—Вы не знаете, кто онъ?—Докторъ Шубертъ; онъ былъ какъ-бы утомленъ, говорила Александровичъ.—Въ чемъ онъ былъ одѣтъ.—Въ сѣромъ кителѣ. А на комъ женатъ Шубертъ?—На г-жѣ Тржецкѣ (разведенной).

—Я не имѣю больше вопросовъ.

Выховскій. Какое въ вашъ братъ?—Маленькій, худенькій. Вчера я слушала здѣсь показанія Петерсоновъ, и у меня явилось сомнѣніе, ужъ не они-ли это бѣжали поляной, и не на отпѣ ли я замѣтила блестящія пуговицы. Я считаю своимъ нравствен-

нымъ долгомъ заявить объ этомъ палатѣ. Зеленскій. Гдѣ служить вашъ братъ?—На почтѣ.

Вызывается свидетель, экономъ кадетскаго корпуса Тимофѣевъ.

Зеленскій. Гдѣ помѣщается лагерь кадетскаго корпуса?—За шведской могилой.—Какъ туда пройти?—Туда ходятъ по разнымъ дорогамъ; между прочимъ можно идти на Яновцы, мимо опытнаго поля.—День св. Владиміра (15 іюля) празднуется въ корпусѣ?—Нѣтъ, не празднуется.—И закупокъ вы не могли производить къ празднику?—Нѣтъ.—Вы знакомы съ Бородаевой?—Нѣтъ, до 16 декабря прошлаго года даже и не видалъ ее никогда.

Карабчевскій. 20-го іюля былъ спектакль въ корпусѣ?—Да, былъ.—Вы закупки производили?—Да, производилъ.

Прокуроръ. Заранѣе было извѣстно, что 20-го числа будетъ спектакль?—Да, заранѣе.—А закупки вы когда производили для спектакля?—Наканунѣ.

Выховскій. Не было-ли имениника 18-го іюля 1897 г. въ семьѣ директора корпуса?—Нѣтъ. А у васъ въ семьѣ нѣтъ Владиміра?—У меня есть—второй мой сынъ.—У васъ, конечно, въ этотъ день были гости?—Нѣтъ, вѣдь сынъ мой еще учится; приготовлений для учащагося я не могъ дѣлать.

Членъ палаты Петровъ (къ Бородаевой). Это тотъ самый экономъ, который производилъ закупки.

Бородаева. Да, этотъ самый. Я хорошо замѣтила. Припоминаю, что онъ тогда стоялъ около того мѣста на базарѣ, гдѣ продавали молоко въ бутылкахъ.—И вы хорошо помните, что онъ говорилъ о покупкахъ для лагернаго праздника,—кому же онъ говорилъ?—(Послѣ продолжительной паузы). Нѣтъ, онъ не говорилъ этого; это я сама подумала, что закупки дѣлаются экономомъ къ празднику. Но я помню, что это было утромъ того дня, когда я видѣла двухъ неизвѣстныхъ.

Вызывается свидетель Ткаченко—пастухъ, который показываетъ слѣдующее.

Это было около 3-хъ часовъ дня. Я сидѣлъ на бугоркѣ подъ деревьями и видѣлъ какъ по дорогѣ отъ города шель на свою дачу Комаровъ. Спустилась или два я замѣтилъ двоихъ,—одинъ былъ одѣтъ въ черномъ, другой въ сѣромъ. Выйдя изъ того мѣста, куда направился Комаровъ (отъ мостика), они, когда замѣтили меня, то повернули, перешли дорогу и ушли въ лѣсъ Склифасовскаго; отъ меня они шли не близко и недалеко; куда скрылись потомъ, я не замѣтилъ; я уже видѣлъ одни только затылки.

Прокуроръ. Въ какомъ мѣстѣ вышли эти люди?—Гдѣ пасъ, тутъ недалеко.—Вы знаете, гдѣ убили Комарова,—оттуда вышли?—Богъ знаетъ, откуда вышли.—Какъ они вышли изъ лѣска на васъ?—Когда увидѣли меня, свернули направо и пошли на тотъ бокъ балки въ лѣсъ Склифасовскаго.—Когда Комарова видѣли, какъ онъ шель?—Подъ зонтикомъ.—Раскрытъ былъ зонтикъ?—Раскрытъ.—Въ чемъ онъ былъ одѣтъ?—Въ бѣломъ.—А шель тихо или тихо?—Тихо шель.

Вызывается бывший во время убійства Комарова въ Полтавѣ полниіймейстеромъ, нынѣ Кременчугскій полиціймейстеръ Ивановъ. Его показаніе длится болѣе двухъ часовъ.

Въ 1897 году 15 іюля около 4 часовъ дня секретарь его преосвященства, г-нъ Житецкій, заявилъ мнѣ, что секретарь консисторіи Комаровъ ушелъ 14 іюля со службы и не возвращался къ себѣ на дачу. Г-нъ Житецкій просилъ принять мѣры къ отысканію Комарова; при этомъ высказалъ предположеніе, что съ нимъ могло случиться несчастіе; онъ могъ пойти не по той пробѣжей дорогѣ, заболѣть, свалиться въ бурьянъ или какой-либо оврагъ. Я согласился съ этимъ предположеніемъ и хотѣлъ сдѣлать распоряженіе въ такомъ направленіи. Заявленіе было сдѣлано на улицѣ, я отправился къ

себя в квартиру; но около 6 часов вдруг получил известие, что секретарь Комаровъ найденъ убитымъ около мостика. Я захватилъ къ уѣздному исправнику и вмѣстѣ съ нимъ отправился на мѣсто убійства. Трупъ лежалъ въ кустахъ, ногами къ мосту, шея затянута была шворкой (веревкой); одѣтъ онъ былъ въ чечучовый пиджакъ, на спинѣ котораго видно было кровавое пятно, очевидно убійца вытирали руки; трупъ лежалъ лицомъ внизъ, на голову былъ набросанъ тонкій слой земли, нѣсколько выше разложены были: бумажный мѣшочекъ и сѣрая оберточная бумага, и бутылка съ недопитой водкой, два куска колбасы и двѣ корки хлѣба. Растворенность въ кустахъ въ одномъ мѣстѣ была вытолочена. Осматривая мѣстность, подъ ближайшимъ кустомъ мы замѣтили старую изношенную фуражку; на фуражкѣ было кровавое пятно, по срединѣ имѣлся изгибъ; въ томъ же кустѣ былъ зонтикъ покойнаго и шляпа. Я обратилъ вниманіе на фуражку и рѣшилъ, что она была оставлена преступникомъ съ цѣлью навести слѣдствіе на ложные слѣды. Возвратившись въ городъ, я распорядился сообщить о всемъ случившемся товарищу прокурора и судебному слѣдователю; а чинамъ полиціи поручилъ заняться розысками.

Въ два часа ночи я получилъ свѣдѣніе, что Степанъ Скитскій въ минувшую пятницу имѣлъ крупный разговоръ съ секретаремъ Комаровымъ и что, выходя изъ кабинета, онъ сказалъ, что „онъ, Комаровъ, не дожидается его увольненія“. Продолжая дальнѣйшіе розыски и въ виду серьезности преступления, на второй день я снова отправился на мѣсто убійства; тамъ былъ преосвященный Иларіонъ, — онъ совершалъ литію по умершемъ; среди массы присутствовавшихъ консисторскихъ чиновниковъ Скитскаго не было. Отъ чиновника Горностаева я впервые узналъ, что Скитскіихъ двое и оба они отсутствуютъ. Во время нашего разговора подошелъ неизвѣстный мнѣ чиновникъ консисторіи и сообщилъ, что онъ утромъ видѣлся со Степаномъ Скитскимъ и тотъ ему сообщилъ, что ему приказано отцомъ-членомъ не отлучаться изъ консисторіи.

Съ помощникомъ пристава Семеновымъ я опечаталъ кабинетъ секретаря и кабинета Скитскаго съ вещами. Дежурный чиновникъ сообщилъ, что Степанъ Скитскій ушелъ отдать послѣдній долгъ Комарову; но его тамъ не было, и я поручилъ Семенову наблюдать за Скитскими, пойдутъ ли Скитскіе на похороны и какъ будутъ вести себя.

Обнаружена была и квартира Петра Скитскаго, гдѣ получены свѣдѣнія, что съ пятницы (11 іюля) онъ ушелъ съ квартиры и домой не возвращался. 16 вечеромъ Степанъ Скитскій былъ задержанъ, Петръ Скитскій былъ задержанъ позже — 17 іюля.

При арестѣ старшаго Скитскаго, помощникомъ пристава Семеновымъ была опечатана его квартира. При опросѣ приставомъ Царенко Степана Скитскаго, онъ былъ одѣтъ въ чечучовый пиджакъ, причемъ Степанъ Скитскій сказалъ, что въ этомъ самомъ костюмѣ онъ былъ и 14 іюля, а другого костюма лѣтняго онъ не имѣетъ. Царенко мнѣ доложилъ въ полицейское управленіе, что служащіе въ магазинѣ Лавгера признаютъ найденную колбасу ихъ издѣліемъ и говорятъ, что Степанъ Скитскій покупалъ двѣ колбасы разной величины; протоколъ не былъ составленъ; я напомнилъ Царенкѣ 257 статью, отправилъ помощника пристава Семенова, тотъ снова опросилъ служащихъ и составилъ протоколъ.

Послѣ задержанія Степана Скитскаго, я получилъ свѣдѣнія, что, по распоряженію судебного слѣдователя, чинами полиціи производился осмотръ квартиры его. Обстановка ея оказалась самая неприглядная. Я лично отправился тогда въ квартиру; очевидно давно здѣсь не заботились о чистотѣ и опрятности: на столахъ лежали остатки пищи, уже разложившейся; постель лежала на полу не прибранной, ящики комода были выдвинуты; все бѣлье

разбросано, перевернуто; на комодѣ былъ револьверъ. Найденъ былъ мною въ квартирѣ свѣрый костюмъ, на которомъ я замѣтилъ пятна замытой крови; тамъ же была найдена пара грязныхъ ботинокъ, на правомъ изъ коихъ торчалъ прилипшій волосъ. Я обратилъ вниманіе на это обстоятельство и нашелъ, что этотъ волосъ былъ такого же цвѣта и такой длины, какіе имѣлъ обыкновеніе носить покойный Комаровъ. На все это я обратилъ серьезное вниманіе и велѣлъ занести въ протоколъ.

16 іюля я былъ въ монастырѣ у іеромонаха Вонифатія, который мнѣ передалъ, что во вторникъ къ нему заходилъ Степанъ Скитскій, приносилъ медали и говорилъ, что былъ въ монастырѣ накануне, но не заставъ о. Вонифатія, ушелъ; когда о. Вонифатій ему сказалъ, чтобы онъ изъ монастыря никуда не отлучался, Скитскій объяснилъ, что неизвѣстный человѣкъ встрѣтилъ его около монастыря и сообщилъ, что о. Вонифатія нѣтъ въ стѣнахъ монастыря. Я попросилъ о. Вонифатія запомнить все это, такъ какъ ему придется дать показаніе у судебного слѣдователя. Во время дознанія о дѣлѣ помощникъ пристава Семеновъ мнѣ доложилъ, что 15 числа Степанъ Скитскій зашелъ въ бакалейную лавку къ Соколовой, попросилъ листъ бѣлой бумаги, съѣлъ, исписалъ его, долго думая надъ нимъ, затѣмъ всталъ, разорвалъ написанное на мелкіе куски, сжалъ въ рукѣ и затѣмъ ушелъ изъ лавки. При задержаніи Скитскаго, насколько припомню, у него было найдено письмо отъ жены, помѣченное 12 іюля, въ которомъ она въ дополненіе къ посланнымъ двумъ письмамъ его предупредила не трогать о. Мосалова, а въ остальномъ быть осторожнымъ. Семеновъ мнѣ докладывалъ, что ему передавалъ швейцаръ консисторіи Котелевецъ, что когда Евдокія Скитская (жена Степана Скитскаго) возвратилась въ городъ и ей сообщили объ арестѣ мужа, она воскликнула: „я этого ожидала!“

Перехожу къ вопросу о найденной на мѣстѣ преступления фуражкѣ (смѣхъ).

Сначала былъ найденъ картузникъ, который сдѣлалъ фуражку; затѣмъ нашелся извозчикъ, которому она принадлежала. Тотъ разсказалъ, что встрѣтивъ своего земляка, служившаго сторожемъ въ консисторіи, валяющагося пьянымъ на улицѣ, онъ его подобралъ, отвезъ къ себѣ въ квартиру и далъ эту фуражку. По показанію сторожа консисторіи фуражка долгое время валялась въ сторожкѣ, а затѣмъ исчезла. Недѣли двѣ спустя послѣ 14-го іюля ко мнѣ явился приставъ Касалановъ и заявилъ, что онъ ѣздилъ на мѣсто преступления, гдѣ нашелъ записку съ адресомъ дачи Комарова. Касалановъ во время убійства былъ откомандированъ мною на Ильинскую ярмарку и такимъ образомъ не былъ въ курсѣ этого дѣла. При взглядѣ на клочекъ бумаги, найденный Касалановымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе, что онъ свѣжій, между тѣмъ за это время перепадали дожди и бумажка должна имѣть другой видъ. Кромѣ того, я не могъ допустить, чтобы бумажка эта продолжительное время находилась на мѣстѣ преступления, такъ какъ я тамъ нѣсколько разъ производилъ тщательные розыски исчезнувшихъ часовъ Комарова и для этой цѣли желѣзными граблями врывалъ землю, но ничего тамъ не оказалось. Все это дало мнѣ основаніе считать, что Касалановъ умышленно былъ навѣденъ на этотъ слѣдъ.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ на 10 минутъ. По возобновленіи засѣданія судебный приставъ докладываетъ палатѣ, что явились свидѣтели Оленскіе.

Полиціймейстеръ Ивановъ продолжаетъ; я имѣлъ честь доложить палатѣ мое предположеніе, что найденная Касалановымъ записка могла быть подброшена съ цѣлью затемнить дѣло. Я заинтересовался, похвалъ ли Касалановъ по своей личной инициативѣ на мѣсто преступления или по указанію

посторонних лицъ; поэтому поводу я узналъ, что онъ поѣхалъ по приглашенію частнаго лица и въ сопровожденіи послѣдняго. Касалапову я предложилъ отправиться къ судебному слѣдователю и передать записку.

Прокуроръ. Вы сами никакихъ дѣйствій при провѣркахъ не производили? Ивановъ. Я поручалъ своимъ приставамъ Прокуроръ Кому именно? Иванъ. Паренкѣ, Червоненкѣ и помощнику пристава Семенову.

Быховскій (представ. гражданскаго иска). Не доносили ли вамъ болѣе подробно, въ какомъ видѣ у Николаевой былъ Степанъ Скитскій?

Иванъ. Онъ былъ разстроенъ и высказывалъ страхъ возвратиться ночевать въ своей квартирѣ... Когда онъ уходилъ домой, то позабылъ портфель. Николаева хотѣла послать прислугу съ портфелемъ но та сказала, что она боится этого парня, — онъ какой-то страшный.

Быховъ. А вы не спрашивали, въ лавкѣ Соколовой Ст. Скитскій писалъ тамъ письмо и на какой бумагѣ. Ивановъ. Да, онъ писалъ на почтовой бумагѣ. Быховъ. Кто ѣздилъ съ Касалаповымъ къ мосту, когда найдена была записка? Ивановъ. Молчать. Быховъ. Какъ отнеслись чиновники консисторіи къ аресту братьевъ Скитскихъ. Ивановъ. Они начали устраивать тайныя сходки, чтобы освободить Скитскихъ; мнѣ доносили, что мѣстомъ тайныхъ сборищъ служила гостиница „Марсель“; но они скоро догадались, что за ними слѣдятъ мои переодѣтые агенты, и они перешли въ частную квартиру. Я сталъ получать массу угрожающихъ анонимныхъ писемъ, что если я не примумъры къ освобожденію Скитскихъ, то буду убитъ. Быховъ. Кто же ѣздилъ съ приставомъ Касалаповымъ, — вы мнѣ не сказали? Иванъ. Торбенко. Быховъ. И вы подумали, что записка подброшена? Иванъ. Да, она подброшена. Быховъ. А вы не подумали, что Торбенко и бросилъ записку? Иванъ. Нѣтъ. Быховъ. Вы знаете мѣстность, гдѣ произошло убійство? Иванъ. Да, хорошо знаю. Быховъ. Обычный путь изъ лагеря въ лагерь какой? Иванъ. Черезъ Яновцы, черезъ Павленки, есть и другія дороги. Быховъ. А мимо дачи Комаровой идти путь? Иванъ. Нѣтъ, туда немного не по дорогѣ. Быховъ. А вы не осматривали мѣстность вблизи дачи Комарова и возлѣ мостика послѣ? Иванъ. Нѣтъ, меня въ ноябрѣ перевели изъ Полтавы въ Кременчугъ. Быховъ. А теперь вы тамъ были? Иванъ. Да, былъ. Быховъ. Ну, и какъ нашли мѣстность, — она измѣнилась? Иванъ. Сильно измѣнилась, — узнать нельзя. Быховъ. Въ чемъ вы замѣтили перемѣну? Иванъ. Во всемъ. Лѣсъ вырубленъ, кусты тоже вырублены; путь около мостика раскопанъ; такъ что оттуда открывается видъ на дачу. Быховъ. Вы дѣлали опыты? Иванъ. Да, дѣлалъ. Быховъ. А около дачи вы что замѣтили? Иванъ. Деревья засохли, а другія подальше остались зеленыя; нѣкоторыя деревья подрѣзаны и очевидно, очень высоко. Быховъ. Какъ можно было пройти къ трупу, — свободно? Иванъ. Нѣтъ, трупъ лежалъ въ кустахъ; а кусты закрыты густыми большими деревьями. Быховъ. Видно было съ вытопеченнаго мѣста дорогу, по которой шель Комаровъ? Иванъ. Да, можно было видѣть. Быховъ. А можно было видѣть людей, находившихся въ засадѣ? Иванъ. Нѣтъ, они были прикрыты кустами.

Карабчевскій. Не можете ли вы, свидѣтель, признать чистой случайностью фактъ нахождения фуражки на мѣстѣ убійства Комарова, т. е. что фуражка сама по себѣ, а событіе само по себѣ? Иванъ. (увѣренно). Ни въ какомъ случаѣ! Я нахожу, что фуражка служила убійцамъ для закрытія рта Комарова; вотъ почему на ней оказалось кровавое пятно. Карабч. Ну, а если бы вамъ сказали и доказали, что это не кровь, а краска, вы измѣнили

бы свое мнѣніе? Ивановъ. Никогда!! Я ни въ какомъ случаѣ не измѣню своихъ мнѣній и своихъ предположеній. Карабч. А вамъ показывали эту фуражку послѣ. Ивановъ. Да, показывали. Карабч. Ну, — что же тамъ была кровь? Ивановъ. Нѣтъ, ея не было. Кар. Значитъ, кровавыя пятна вывели? Иванъ. Нѣтъ, они сами вышли (въ публикѣ смѣхъ). Карабч. Вотъ вы намъ рассказывали здѣсь, что ваши курьеры разбудили васъ 15-го іюля въ 2 часа ночи и принесли важное извѣстіе, что Степанъ Скитскій имѣлъ въ минувшую пятницу (11-го іюля) крупное объясненіе съ секретаремъ, — а между тѣмъ положительно извѣстно, что такого объясненія не было и быть не могло. Ивановъ. А мнѣ докладывали... Карабч. Да, вамъ докладывали также въ эту ночь и о томъ, будто Ст. Скитскій, выходя изъ кабинета сказалъ: „Комаровъ не допустить моего увольненія, — но объ увольненіи даже и рѣчи не было, откуда вы почерпнули такія свѣдѣнія? Ивановъ. Но мнѣ докладывали... Карабч. Теперь скажите, свидѣтель, относительно тайныхъ сходокъ въ гостиницѣ „Марсель“, — почему-это чиновники консисторіи такъ усиленно добивались освобожденія Скитскихъ? Иванъ. Они считали Скитскихъ хорошими товарищами. Карабч. Кто присутствовалъ изъ вашихъ „переодѣтыхъ агентовъ“ на сходкахъ? Иванъ. Это наша тайна. Карабч. А письма анонимныя какого содержанія? Иванъ. Угрожали убить меня и еще въ этомъ родѣ. Карабч. Ужель только одно вамъ и писали, что васъ убьютъ? Иванъ. Да, просто угрожали. Карабч. А не писали вамъ, что вы совершенно напрасно взяли и застали ни въ чемъ невинныхъ людей. Иванъ. Нѣтъ, просто угрожали. Карабч. У васъ не сохранились эти письма? Иванъ. Ихъ теперь нѣтъ, я все уничтожилъ, когда перевели меня изъ Полтавы въ Кременчугъ.

Зеленскій. Вы сказали, что видѣли кровавыя пятна на платьѣ Степана Скитскаго. Ивановъ. Да, я видѣлъ своими глазами. Зеленъ. Вѣрно. Но вы развѣ не слышали, что платьѣ подвергалось изслѣдованію, и никакихъ замѣтныхъ кровавыхъ пятенъ тамъ не оказалось? Иванъ. Нѣтъ, не слышалъ, — едва-ли это такъ, — я самъ видѣлъ кровавыя пятна. Зеленъ. Но вы ихъ видѣли и на фуражкѣ? Ивановъ. Да, и на фуражкѣ. Зеленъ. Вы находите вѣдь, что и волосъ, припавшій къ правому бокалу Ст. Скитскаго, есть волосъ, обыкновенно носимый Комаровымъ? Ивановъ. Молчать. Зеленъ. Вы говорили намъ о своихъ агентахъ, — эти агенты были и при арестѣ? Иванъ. Позволяю себѣ не отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ. Зеленъ. Вы видѣли письмо, написанное Петромъ Скитскимъ въ тюрьмѣ для своего брата? Иванъ. Да, видѣлъ. Зеленъ. Кто вамъ его приносилъ? Иванъ. Приставъ Червоненко. Зеленъ. Припомните его содержаніе? Иванъ. Онъ писалъ такъ: „Братъ Степанъ! Мнѣ сказали, что ты убилъ Комарова; если это правда, то я отрекаюсь. Напиши. Твой братъ Петръ“. Зеленъ. Куда-же дѣлась эта записка? Иванъ. Приставъ Червоненко передалъ ее товарищу прокурора Дамилоскому; Дамилоскій посмотрѣлъ на нее и, какъ не относящуюся къ дѣлу, возвратилъ обратно Червоненкѣ. Зеленъ. Кто вамъ передавалъ о возбужденномъ состояніи Степана Скитскаго у Николаевой? Иванъ. Чинъ полиціи, но я не могу вамъ сказать, кто именно. Зеленъ. Отъ кого же узналъ этотъ чинъ полиціи; онъ самъ тамъ не былъ? Иванъ. Да, не былъ; онъ узналъ отъ самой Николаевой. Зеленъ. Значитъ, всю правду мы узнаемъ отъ Николаевой. — Ну а письмо, которое будто-бы Степанъ Скитскій писалъ въ лавочкѣ Соколовой, вы слышали? Иванъ. Да, мнѣ сообщалъ помощникъ пристава Семеновъ. Зеленъ. Вы докладывали о письмѣ, кому слѣдуетъ; но почему-же не составили протокола? Иванъ. Эти свѣдѣнія сообщались негласнымъ образомъ и я докладывалъ слѣдователю.

Куликовъ. Свидѣтель, вы намъ передаете разныя вещи.—завяжете, что вамъ стало известно и т. п.—не можете-ли вы намъ сообщить болѣе опредѣленно, изъ какихъ источниковъ вы почерпаете эти свѣдѣнія? Иванъ. Это я считаю тайной. Куликовъ. Отъ кого, напримѣръ, вы узнали о сходкахъ консисторскихъ чиновниковъ? Иванъ. У меня были спеціальныя сыщики, которые имѣлись для подобныхъ надобностей. Куликовъ. А ихъ нѣтъ въ числѣ свидѣтелей. Иванъ. Нѣтъ. Куликовъ. Не можете-ли вы намъ сообщить, кто они, т. е. называть ихъ фамилии? Иванъ. Нѣтъ, это глубокая тайна; эти сыщики получаютъ мало, а рискуютъ своей жизнью и кожей. Куликовъ. Вы обращаетесь къ председателю. Ваше пресвосходительство, я ходатайствую о томъ, чтобы свидѣтель указывалъ лицъ, отъ которыхъ онъ почерпалъ эти свѣдѣнія; иначе защита лишена возможности проверять подобныя показанія. Палата удаляется для обсужденія ходатайства Куликова и выносить такое постановленіе „Палата признаетъ свидѣтеля Иванова не обязаннымъ отвѣчать на подобные вопросы“.

Прокуроръ. Какъ были расположены предметы, когда вы прибыли на мѣсто преступленія? Ивановъ. Въ кустахъ, въ 22 шагахъ отъ мостика, лежалъ трупъ; выше кустовъ валялась шляпа, далѣе на кустахъ висѣлъ зонтикъ, подъ кустомъ была фуражка съ кровавымъ пятномъ, а на дорогѣ близъ мослика лежали очки,—недалеко отъ колеи. Прокуроръ. А мѣшечекъ вы взяли? Иванъ. Да, взялъ. Прокуроръ. Когда? Иванъ. Въ 6 часовъ вечера и поѣхалъ съ нимъ въ акцизное правленіе; тамъ я узналъ, что вся старая бумага была продана лавочнику-еврею Воронелю. Прокуроръ. А когда вы предъявляли Воронелю найденный мѣшечекъ? Иванъ. Кажется 16. Прокуроръ. Вы брали у Воронели образцы? Иванъ. Нѣтъ, не бралъ, Воронель самъ призналъ. Прокуроръ. Вы на головѣ замѣтили тонкій слой земли? Иванъ. Нѣтъ, это не слой; земля была, очевидно, набросана убійцами, и нельзя подумать, что ее вѣтромъ нанесло. Прокуроръ. Вы говорите о запискѣ, добытой агентурнымъ путемъ, точно вы помните ея содержаніе или вы передаете намъ такъ, какъ удержалось у васъ въ памяти? Иванъ. Какъ удержалось въ памяти,—можетъ быть, я какое-нибудь слово и забылъ.

Быховскій. Откуда могла появиться глина на костюмѣ покойнаго Комарова? Иванъ. Почва вообще глинистая. По дорогѣ ѣздили водовозы, глина могла пристать къ колесу, такъ какъ у пруда глина. Быховъ. Когда возвратился Степанъ Скитскій домой 15 іюля? Иванъ. Послѣ 12 часовъ ночи. Сторожъ ходилъ къ нему и пробывъ у него очень долго; дежурный чиновникъ говорилъ, что, когда онъ спросилъ сторожа, отчего онъ былъ долго, тотъ отвѣтилъ: со Степаномъ Леонтьевичемъ какъ бы дурно,—онъ выпивши. Быховъ. Вы слышали о ссорѣ Степана Скитскаго съ Комаровымъ? Иванъ. Да, слышалъ. Быховъ. Не знаете ли, какъ жили Комаровы? Иванъ. Хорошо жили. Быховъ. Какъ они проводили время,—ходили по гостямъ, или жили особнякомъ? Иванъ. Они всегда вмѣстѣ съ женой были. Быховъ. А отъ другихъ не слышали, какъ жили супруги Комаровы? Иванъ. Я слышалъ отъ женщины, которая у нихъ живетъ („пани“—Дудиной), что Комаровы жили не какъ мужъ съ женой, а какъ бы любовники.

Быховъ. А о другихъ лицахъ, кромѣ Скитскихъ, вы наводили справки? Иванъ. Наводилъ, но одни Скитскіе и были подъ подозрѣніемъ. Быховъ. А не могла какъ-нибудь повліять Ильинская ярмарка? Иванъ. Нѣтъ, ярмарка тогда подходила къ концу, и особаго движенія уже не было тогда.

Экспертъ проф. Оболонскій (черезъ председателя). При первомъ нахожденіи трупа свидѣтелемъ было осмотрѣно лицо убитаго, голова и проч.? Иванъ. Да, я осматривалъ. Оболонскій. Какъ

то цвѣта было лицо и не было ли припухлости въѣкъ? Иванъ. Лицо было темнаго цвѣта; оно разлагалось и мокрота шла изъ носа и рта; она продолжала истекать и 16-го числа.—припухлости въѣкъ не замѣтилъ. Оболонскій. Не образовалось ли дужиды подъ трупомъ, когда его сняли? Иванъ. Весьма незначительная. Оболонскій. А кровавыя пятна были какія? Иванъ. На спинѣ чешучятова пиджака видно было пятно, какъ бы прихлопнутое ладовью. Оболонскій. А на другихъ мѣстахъ не замѣтили? Иванъ. Не помню.

Карабчевскій. Вы утверждаете, что всѣ возможныя предположенія были исчерпаны, о всѣхъ подозрительныхъ лицахъ были наведены справки, и вы остановились на однихъ Скитскихъ? Ивановъ. Да, на однихъ Скитскихъ. Карабчевскій. Но трупъ найденъ вечеромъ 15-го, 16-го же арестованъ былъ Степанъ Скитскій, его братъ на другой день (17-го), какъ же вы успѣли за такое время навести справки и исчерпать всѣ предположенія? Иванъ. Но я и послѣ работалъ; я до самаго перевода въ Кременчугъ разсѣдывалъ... Карабчевскій. Но узнали ли вы, напримѣръ, гдѣ находятся уволенные Комаровымъ бывшіе консисторскіе писцы? Иванъ. Нѣтъ, не узналъ. Карабчевскій. Узнали ли вы, гдѣ жилъ Николаевъ, который проходилъ въ день убійства черезъ мостикъ около 3 часовъ? Иванъ. (сconfуженно). Нѣтъ, не знаю. Карабчевскій. Узнали ли вы, кто имѣлъ неудовольствіе на Комарова по бракоразводнымъ дѣламъ? Иванъ. (Окончательно растерявшись) Нѣтъ.

Экспертъ проф. Патенко (черезъ председателя). Въ какомъ положеніи былъ языкъ убитаго? Иванъ. Онъ былъ прищемленъ. Патенко. Онъ виденъ былъ наружу? Ивановъ. Не помню.

Карабчевскій. Кто первый нашелъ убитаго? Ивановъ. Мнѣ неизвестно. Карабчевскій. А вы не расспрашивали? Иванъ. Нѣтъ, объ этомъ не было разговора. Карабчевскій. Вы не интересовались, какъ были разбросаны предметы около трупа первоначально? Иванъ. Не знаю.

Куликовъ. Вамъ кто-то передавалъ, будто 15-го іюля сторожъ носилъ воду Скитскому; что же онъ былъ неадоровъ? Иванъ. Не знаю.

Куликовъ. Въ виду запямятованія свидѣтелемъ Ивановымъ этой части показанія, я просилъ бы огласить соответствующее мѣсто изъ показанія, даннаго имъ при разбирательствѣ дѣла въ Харьковѣ.

Карабчевскій. Когда это было свидѣтель? Иванъ. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля.

Оглашается показаніе Иванова: „Кромѣ того, свидѣтель Житецкій, со словъ другого чиновника Лекторскаго, которому говорилъ чиновникъ Навроцкій, передавалъ, что 15-го іюля 1897 г. Степанъ Скитскій, прийдя въ 11 часовъ въ консисторію, попросилъ сторожа Шипитко подать ему воды въ квартиру; послѣ этого сторожъ оставался тамъ въпродолженіе болѣе двухъ часовъ и его не могъ дозваться дежурный чиновникъ. Когда же Шипитко вышелъ изъ комнаты Скитскаго, то говорилъ, что со Степаномъ Леонтьевичемъ дѣлается Богъ знаетъ что; Шипитко такъ выразился, что можно было заключить объ истерикѣ. По словамъ Навроцкаго, Шипитко вышелъ изъ комнаты Скитскаго выпивши“.

Карабчевскій. Но вы эти свѣдѣнія получили въ свидѣтельской комнатѣ въ Харьковѣ, не правда ли? Иванъ. Да, кажется такъ. Карабчевскій. (къ председателю). А теперь позвольте мнѣ узнать отъ самого Шипитко, какъ было дѣло.

Предсѣд. Свидѣтель Шипитко, пожалуйста сюда.

Карабчевскій. Скажите свидѣтель, вы носили воду Скитскому?

Шипитко. Да носилъ часто. Карабчевскій. Вы часто носили воду.—но, можетъ быть, это дѣлали и для Комарова? Шипитко. А то какъ же,—кто попроситъ, тому и несъ,—и Комарову приходилось

часто носить. Карабч. А вот вы слышали, что сейчас читали до нас, — правда ли, будто вы в тот вечер, когда нашли Комарова убитым, носили Скитскому воду, будто съ нимъ сдѣлался обморокъ и т. п? Шипитько. Ничего этого не было. Карабч. И воды вы тогда не принесли ему? Шипитько. Нѣтъ, не приносилъ. Карабч. Но видѣли, по крайней мѣрѣ, Степана Скитскаго въ тотъ вечеръ? Шипитько. И въ глаза не видаль.

Члены палаты Грабаръ. Кто составлялъ „тайныя сходки“?

Ивановъ. Канцелярскіе чиновники.

Зеленскій. Я ходатайствую передъ палатою о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля уѣзднаго исправника, въ виду того, что свидѣтель Ивановъ въ своихъ показаніяхъ очень часто ссылается на него и въ настоящее время выяснилось, что всѣ дѣяствія Иванова производились совмѣстно съ исправникомъ.

Выховскій. Я протестую противъ подобнаго ходатайства и нахожу его незаконнымъ, такъ какъ исправникъ все время находился въ залѣ засѣданія.

Предсѣдатель. Господинъ судебный приставъ, узнайте находится ли среди публики уѣздный исправникъ?

Приставъ. Да, онъ здѣсь. Предсѣдатель. Господинъ исправникъ! встаньте, чтобы мы могли васъ видѣть.

Исправникъ (поднимаясь). Я здѣсь, ваше превосходительство. Предсѣдатель. Занесите въ протоколъ, что исправникъ все время находился въ залѣ засѣданія.

Вызывается свидѣтель приставъ Царенко, показанія котораго сводятся къ слѣдующему.

„Въ 1897 году, говоритъ онъ, я былъ приставомъ 1-й части города Полтавы, когда въ іюль мѣсяцѣ произошло убійство Комарова. По телефону меня вызвалъ полиціймейстеръ и приказалъ произвести розыскъ убійцы; я переодѣлся въ стачное платье и отправился на мѣсто преступленія, когда еще лежалъ трупъ Комарова. Тамъ было много народу, я прислушивался къ разговорамъ толпы, но ничего опредѣленнаго не могъ узнать. Обнаруженъ былъ лишь водовозъ, который нагналъ Комарова, шедшаго изъ города на дачу. Послѣ вскрытія трупа я еще оставался тамъ, полагая, что я случайно могу напасть на слѣдъ; но побывъ нѣкоторое время, я возвратился въ городъ и отправился въ полиційское управленіе доложить полиціймейстеру о результатахъ розыска. Въ полицію былъ приведенъ при мнѣ Степанъ Скитскій, на рукахъ у котораго были обнаружены царапины. Я послалъ за городовымъ врачомъ и тѣмъ временемъ распрашивалъ Скитскаго, какъ онъ провелъ 14-го іюля. Онъ мнѣ говорилъ, что въ тотъ день онъ былъ на почтѣ, въ монастырѣ, а затѣмъ встрѣтился съ сильно пьянымъ братомъ въ Корпусномъ саду и рѣшилъ отправиться съ нимъ на рѣчку; былъ онъ еще въ консисторіи, въ духовномъ женскомъ училищѣ и у Конопатова (редактора „Епархіальныхъ Вѣдомостей“). Во время допроса въ полицію явился товарищъ прокурора Дамилевскій. По поводу царапинъ на рукахъ Ст. Скитскій объяснилъ, что онъ произошли отъ ловли раковъ. Производя розыскъ, я проходилъ по Колонійской улицѣ, по которой Скитскій, по его словамъ, велъ пьянаго брата, но никто этого подтвердить не могъ; въ епархіальномъ училищѣ дѣвушка мнѣ говорила, что Скитскій одинъ приходилъ туда 14-го іюля, что съ нимъ никого не было. По поводу найденныхъ остатковъ колбасы я полагаю сначала, что это московская колбаса, но торговцы, которымъ я показывалъ, объяснили мнѣ, что она дѣлается въ колбасной Лангера. Въ магазинѣ Лангера, куда я отправился, приказчикъ Матвѣевъ мнѣ говорилъ, что у него никто изъ чиновниковъ не покупалъ колбасы,

но заявилъ, что есть еще одинъ приказчикъ, у котораго, можетъ быть, и покупалась колбаса чиновниками. Я, забывъ куски колбасы, ушелъ. Когда полиціймейстеръ узналъ, что протоколъ не составленъ, и велѣлъ составить то я вновь отправился въ лавку Лангера съ помощникомъ пристава Семеновымъ, гдѣ засталъ втораго приказчика (Коцюру), и тотъ на мой вопросъ объяснилъ мнѣ, что у него купилъ чиновникъ пару колбасъ и при этомъ описалъ наружность Скитскаго. Затѣмъ онъ добавилъ, что изъ опущенныхъ имъ колбасъ одна была толще, а другая тоньше. Я съ нимъ немедленно отправился въ полицію, гдѣ предъявилъ ему остатки колбасы и онъ ихъ призналъ за опущенные чиновнику. Тогда я повелъ его въ камеру къ Степану Скитскому, и онъ подтвердилъ, что ему именно отпустилъ тѣ колбасы, но Скитскій заявилъ, что колбасы въ эти дни совсѣмъ не покупалъ.

Прокуроръ. Вы спрашивали Степана Скитскаго, какъ онъ провелъ 14-е іюля? Царенко. Да, спрашивалъ и онъ мнѣ говорилъ такъ: сначала побывалъ на почтѣ, въ Корпусномъ саду встрѣтилъ пьянаго брата, былъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ, въ семинаріи, у Конопатова, затѣмъ по Колоніальной улицѣ отправился на Ворсклу купаться, спустившись по грунту Лазарева. Прокуроръ. А какое направленіе указывалъ вамъ Скитскій къ мѣсту купанья? Цар. Черезъ монастырскій лѣсъ, мимо клуны. Прокуроръ. Ходятъ тамъ? Цар. Да, ходятъ. Прокуроръ. А путь этотъ удобный? Цар. Нѣтъ, неудобенъ. Прокуроръ. Разказывалъ онъ вамъ, какъ былъ на почтѣ и сколько времени тамъ онъ пробылъ? Цар. Разказывалъ, а я все записывалъ и въ свое время докладывалъ, теперь же многого не упомяну. Прокуроръ. А прислуга Конопатова говорила о времени прихода Скитскаго? Цар. О часѣ не говорила, но день указывала. Прокуроръ. Вы показывали колбасу въ лавочкахъ и вамъ торговцы говорили, что это не московская колбаса, а издѣліе Лангера,—почему именно Лангера? Цар. Потому что въ Полтавѣ другой колбасной нѣтъ, кромѣ лангеровской. Прокуроръ. Во время похоронъ Комарова вы были въ толпѣ? Цар. Да, былъ. Прокуроръ. Вы не слышали, чтобы кто-либо высказывалъ какаго-либо предположенія, — не упоминалось имя Скитскихъ? Цар. Нѣтъ, этого не было; я боялся,—толпа узнаетъ меня по полиційской формѣ. Прокуроръ. Я обращаю вниманіе палаты на то, что свидѣтель Царенко, при разбирательствѣ этого дѣла въ Харьковѣ, показывалъ, что онъ былъ въ штатскомъ платьѣ во время похоронъ, вращался въ толпѣ и тамъ слышалъ имя Скитскихъ, какъ убійцъ (къ свидѣтелю).

А вы провѣряли времяпрепровожденіе другихъ лицъ 14-го іюля? Цар. Да, провѣрялъ. Прокуроръ. Ну, и что же оказалось? Цар. Я пришелъ къ тому предположенію, что ни на кого другого подумать нельзя.

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ на 1 часъ.

Послѣ перерыва въ 2½ часа дня вызывается снова свидѣтель Царенко.

Выховскій. Разкажите о дорогѣ, по которой шелъ Ст. Скитскій съ братомъ, по его показанію. Царенко. Онъ говорилъ, что спустился по тропинкѣ, ведущей черезъ грунты Лазарева; отсюда направился въ монастырскій лѣсъ, изъ лѣсу вышелъ на поле, причѣмъ монастырская клуна осталась влѣво; дальше оба они направились къ рѣкѣ Ворсклѣ купаться. Выхов. Скажите, гдѣ находится клуна, мимо которой проходили Скитскіе? Цар. За монастырскимъ лѣсомъ. Выхов. Не приходилось ли вамъ по какимъ-либо другимъ надобностямъ бывать въ этой мѣстности? Цар. Да, приходилось. Я производилъ тамъ розыски (объявляя арестанты), и если взять прямо съ Колоніи въ лѣсъ, то пройти нельзя — тамъ густыя заросли.

Быхов. Вы не разговаривали съ Соколовой (гдѣ Ст. Скитскій писалъ какое-то письмо и разорвалъ) и съ Николаевой (гдѣ онъ былъ вечеромъ 15 июля)? Цар. Нѣтъ. Быхов. Мостикъ, возлѣ котораго найденъ трупъ, вы знаете? Цар. Да, знаю. Быхов. Передъ настоящимъ разборомъ вы не осматривали этой мѣстности? Цар. Нѣтъ, не осматривалъ.

Карабчевскій. Подробно вамъ говорилъ Ст. Скитскій, по какой дорогѣ и какъ онъ шель съ братомъ къ рѣкѣ Ворсклѣ? Цар. Нѣтъ, не подробно, да я его подробно и не спрашивалъ. Карабч. Вы сказали, что той дорогой (черезъ лѣсъ) пройти нельзя, — а вы провѣряли со Скитскимъ, какъ онъ шель? Цар. Нѣтъ, не провѣрялъ. Карабч. На вопросы прокурора и представителя гражданского иска вы отвѣчаете, что провѣряли, какъ провели время (14 июля) „другія лица“, — какія же это другія лица? Цар. Подозрительныя. Карабч. Въ какомъ смыслѣ подозрительныя? Цар. Въ полицейскомъ смыслѣ подозрительныя, которыя у насъ на замѣчаніи. Карабч. А другой списокъ (консисторскихъ служащихъ и чиновниковъ) когда у васъ былъ? Цар. Это уже послѣ, — это, когда Скитскихъ арестовали.

Зеленскій. Вы сейчасъ намъ сказали, что, проходя по Колонійской улицѣ, спрашивали—не видѣлъ ли кто Скитскихъ, а вы спрашивали, не видѣлъ ли кто Комарова? Цар. Нѣтъ, не спрашивалъ; до Комарова мнѣ не было никакого дѣла. Зеленс. Очертите намъ дорогу, по которой шель Комаровъ. Цар. Не сумью; почему я знаю! Зелен. Какъ сказали вамъ Коцора (приказчикъ колбасной Лангера), въ какомъ былъ костюмѣ чиновникъ, покушавшій двѣ колбасы? Царенко. Бѣлый костюмъ, съ металлическими пуговицами... Виноватъ, я упустилъ изъ виду еще одно: когда я съ помощникомъ пристава Семеновымъ явился въ магазинъ для составленія протокола, Коцора при насъ призналъ обрѣзки колбасы за проданныя изъ магазина Лангера и при этомъ сказалъ: „вотъ бумага, въ которую мы заворачиваемъ“. Зелен. Подозрѣвали ли вы еще кого-нибудь, кромѣ Скитскихъ? Цар. Я васъ не понимаю. Зелен. Я говорю очень ясно и опредѣленно: подозрѣвали ли вы въ убійствѣ Комарова другихъ лицъ, кромѣ братьевъ Скитскихъ? Царенко. Я производилъ много дознаній. Зелен. О комъ? Царенко. Я не скажу—это секретъ. Зелен. Ну, тогда я васъ спрошу: не производили ли вы дознаній относительно д-ра Шуберта? Цар. Я былъ у него на дачѣ, какъ былъ вообще во всѣхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ мѣсту убійства, напри- мѣръ, на дачѣ Квитки... Зелен. А дознанія не производили? Цар. Нѣтъ, не производилъ. Зелен. Больше я ничего не имью.

Куликовъ. Попова вы допрашивали? Цар. Нѣтъ, не допрашивалъ. Куликовъ. А скажите, въ Монастырскомъ лѣсу не бываетъ пикировъ? Царенко (улыбаясь двусмысленно). Тамъ все бываетъ.

Быховскій. Вы не спрашивали, въ какихъ отношеніяхъ были братья Скитскіе? Цар. Нѣтъ, не спрашивалъ. Быхов. А гдѣ они были въ этотъ день (14 июля), вы ихъ не спрашивали? Цар. Кажется, спрашивалъ; но хорошо не помню (Степанъ Скитскій порывается что-то сказать, приподнимается со скамьи, и снова опускается; такъ онъ дѣлалъ нѣсколько разъ).

Членъ палаты Грабаръ. Вамъ не говорилъ Ст. Скитскій о состояніи брата въ день убійства; а потомъ, когда вы справлялись у Конопатовъ и въ духовномъ училищѣ, вамъ не сообщали, видѣли ли тамъ двоихъ Скитскихъ или одного Степана Скитскаго? Цар. Мнѣ Ст. Скитскій сказалъ, что когда онъ заходилъ въ епархіальное училище, семинарію и къ Конопатову, братъ оставался на улицѣ; когда же я спрашивалъ дѣвочку изъ епархіальнаго училища, то она сказала, что она не ви-

дѣла брата. Меня вообще удивляло, что, по словамъ Ст. Скитскаго братъ былъ въ безчувственномъ состояніи и нуждался въ помощи, а между тѣмъ онъ вездѣ его оставляетъ, заходя то въ епархіальное училище, то въ семинарію, то къ Конопатову. Степанъ Скитскій, наконецъ, поднимается и, обращаясь къ предѣдателью говорить: Ваше превосходительство, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Предѣдатель. Говорите, пожалуйста. Ст. Скитскій. Я никогда не говорилъ, будто брата встрѣтилъ въ Кадетскомъ саду; не говорилъ я и того, что я вмѣстѣ съ братомъ заходилъ всюду—въ епархіальное училище, въ семинарію и къ Конопатову,—это неправда. Что же касается направленія, по которому мы шли къ Ворсклѣ, то я помню, что съ Колоніи мы направились прямо въ лѣсъ, причѣмъ клуна оставалась влѣво. Здѣсь говорятъ, что черезъ лѣсъ пройти нельзя, — нѣтъ, тамъ есть много дорожекъ и тамъ многие ходятъ; подъемъ, по которому мы шли, не высокий и не большой; братъ былъ нездоровъ, но былъ въ состояніи идти; на подъемахъ шель свободно, по травѣ же, особенно на спускахъ, скользилъ и я его поддерживалъ; черезъ лѣсъ пошелъ, чтобы идти въ тѣни, такъ какъ было до 40 градусовъ жары, самое короткое разстояніе—черезъ грунтъ Лазарева. Предѣдатель. А другихъ путей не было къ Ворсклѣ? Ст. Скит. Были и другіе; но тамъ ходить много народу, и насъ могли бы видѣть знакомые, а братъ былъ въ такомъ состояніи... Пред. Гдѣ вы поднимались на Монастырскую гору? Ст. Скит. Вблизи земской хаты; тутъ проходитъ дорога. Въ лѣсу, я помню, мы проходили черезъ чистую поляну—на верхней горѣ; съ этой поляны идетъ другой подъемъ, уже менѣ крутой. Пред. (къ Петру Скитскому). А вы, Петръ Скитскій, помните, какъ шли? Петръ Скитскій (едва слышно). Нѣтъ, ничего не помню,— что со мной было „до Ворсклы“, — я ничего не помню; что было послѣ купанья,—это я помню.

Предѣд. Вы были въ такомъ состояніи опьяненія, что ничего не помните? Петръ Скит. Да. Предѣд. (снова къ Ст. Скитскому). Не можете ли вы намъ сказать, гдѣ вы купались? Ст. Скит. Почти по прямому направленію, какъ спустились съ горы къ Ворсклѣ,—мы уклонились не болѣе какъ шаговъ на восемь. Помню, что съ лѣвой стороны оставалась мельница, а по правую и лѣвую руку отъ насъ были кусты, а въ сторонѣ чистое мѣсто. Предѣд. Въ руслѣ вы купались, или въ рукавѣ Ворсклы? Ст. Скит. Да, въ руслѣ, по мѣстному называется „быстрикъ“.—тутъ и купались.

Вызывается свидѣтель приставъ Червоненко. Въ 1897 году, начинаеть свое показаніе Червоненко, 15-го іюля, часу въ шестомъ дня, я получилъ приказъ розыскать исчезнувшаго секретаря Комарова. Я направился въ духовную консисторію; тамъ я засталъ старичка. Я спросилъ его про секретаря,—когда онъ наканунѣ ушелъ изъ консисторіи, но старичекъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ. Я отправился къ полиціймейстеру, но его дома не было,—полиціймейстеръ вмѣстѣ съ исправникомъ уже началъ искать исчезнувшаго Комарова. При спускѣ съ горы (колонійской) я встрѣтилъ бѣжавшаго чиновника консисторіи, который сообщилъ мнѣ, что Комаровъ найденъ убитымъ около мостика. Я поспѣшилъ туда и видѣлъ трупъ, всѣ вещи и остался тамъ, когда полиціймейстеръ съ исправникомъ уѣхали. На слѣдующій день утромъ я отправился въ консисторію, но никого не засталъ; я пошелъ въ квартиру Скитскаго,—не подозрѣвая его, а какъ къ знакомому, чтобы освѣдомиться, не подозрѣваешь ли онъ кого. Мнѣ пришлось долго стучать, пока вышелъ Ст. Скитскій; судя по его лицу, онъ наканунѣ былъ выпивши, и даже криво выпивши (это было 16-го числа). Въ разговорѣ объ убійствѣ Комарова Скитскій указалъ мнѣ нѣсколь-

кихъ лицъ, враждебно относившихся къ покойному и только днемъ въ монастырѣ отъ чиновниковъ я въ первый разъ услышалъ подозрѣніе противъ Скитскаго. Послѣ ареста Ст. Скитскаго я получилъ приказъ объ арестѣ Петра и съ этой цѣлью пошелъ къ нему на квартиру, но его тамъ не засталъ. Я оставилъ возлѣ дома стражу, но Петръ домой всю ночь не являлся. На другой день утромъ я пошелъ въ консисторію и тамъ арестовалъ Петра. При обыскѣ въ квартирѣ Скитскихъ мы особенное вниманіе обратили на ихъ костюмы, но ничего подозрительнаго не нашли. Распространился слухъ, что какой-то мужикъ видѣлъ двухъ человекъ. Это оказалось пастухъ Ткаченко. Онъ разсказалъ, что часа въ 2 или 3 онъ увидѣлъ господина подъ зонтикомъ; онъ думалъ, что это управляющій и переналъ коровъ на другое мѣсто; но оказалось, что это Комаровъ. Черезъ часъ онъ увидѣлъ двухъ человекъ, головы были обмотаны платкомъ; одинъ въ черномъ плащѣ, другой въ полубѣломъ; тотъ, который одѣтъ въ бѣлое, былъ толще, но ниже другого; цуговицъ онъ не замѣтилъ; кто они такіе, Ткаченко не знаетъ. Я вѣсьхъ разспрашивалъ и доискивался, какимъ путемъ убійцы могли пройти къ мѣсту преступленія; спрашивалъ директора училища садоводства Налимова и учениковъ—никто ничего не могъ сказать. У меня возникло предположеніе, не добѣжали-ли убійцы на мѣсто преступленія на извозчикѣ. Я поручилъ извозчику Кондраткѣ, который ранѣе служилъ у меня въ полиціи, развѣдать, и онъ сказалъ, что никто не проѣзжалъ туда. Потомъ вдругъ неожиданно (дней черезъ 10) тотъ же Кондратко заявилъ мнѣ, что фуражка, найденная на мѣстѣ преступленія, принадлежитъ ему,—что онъ далъ ее Моисею Клименкѣ (консисторскому сторожу). Клименко просилъ Кондратку, чтобы тотъ ничего не говорилъ о фуражкѣ, изъ боязни суда; послѣ когда допросили сторожа, показаніе Кондратки подтвердилось.

Прокуроръ. На похоронахъ вы слышали, что чиновники высказываютъ подозрѣніе на Скитскаго? Червоненко. Да, слышалъ Прокуроръ. А кто именно. Червон. Горностаевъ объ этомъ разговаривалъ и, кажется, Просяникъ, если только не ошибаюсь. Прокуроръ. Вы спрашивали Ст. Скитскаго, какой дорогой онъ шель купаться? Червон. Нѣтъ, объ этомъ я его не спрашивалъ.

Быховскій. Вы спрашивали, какъ Петръ Скитскій провелъ время 14-го іюля? Червон. Онъ мнѣ говорилъ, что въ день убійства онъ вышелъ изъ консисторіи въ 12—1 ч. дня, зашелъ въ пивную Брикера и выпилъ тамъ 2—3 бутылки пива, затѣмъ на Александровской улицѣ купилъ бутылку водки, зашелъ въ корпусный садъ, гдѣ выпилъ всю водку и опомившись уже тогда, когда онъ былъ на рѣкѣ. Быхов. Почему онъ пилъ? Червон. Я потомъ узналъ, что онъ алкоголикъ. Быхов. Вы не знаете, какія отношенія существовали между братьями? Червон. Чтобъ дурныя отношенія были, я не знаю. Быхов. Не заботливо относился старшій къ младшему? Червон. Не знаю; я слышалъ, что дружны; были раньше разногласія, но потомъ они опять сошлись. Быхов. А въ послѣднее время жилъ Петръ Скитскій у брата? Червон. Мнѣ говорили, что когда жена Степана Скитскаго убѣжала на дачу, то Петръ часто бывалъ у него и ночевалъ. Быхов. Вы не спрашивали, что дѣлали они на рѣкѣ? Червон. Спрашивалъ, Петръ сказалъ, что выкупались, перешли ближе къ вокзалу, наняли лодку, катались и вернулись домой послѣ полуночи. Быхов. А вы не спрашивали, что они бѣли въ этотъ день? Червон. Петръ мнѣ объяснилъ, что въ 7—8 час. вечера они въ лавочкѣ около вокзала купили колбасу, хлѣбъ, пили водку. Быхов. Не говорили съ нимъ о царинахъ и ударахъ. Червон. У Петра я замѣтилъ царинны и пригласилъ врача, который нашелъ таковыя и на ногахъ, колѣнкахъ

и рукахъ, причеъ Петръ говорилъ, что получилъ царинны при ловлѣ раковъ. Быхов. Какъ? и онъ говорилъ, что ловилъ раковъ? Червон. (въ замѣшательствѣ). Кажется, говорилъ. Быхов. Вы были въ лавкѣ Николаевой? Червон. Былъ. Она мнѣ разсказывала, что Степанъ Скитскій, возвращаясь изъ монастыря, заходилъ къ ней и хотѣлъ заказать мужу электрическую спичечницу. Быхов. Въ какомъ состояніи былъ Ст. Скитскій? Червон. Ничего особеннаго она не говорила.

Карабчевскій. Какъ одинъ изъ первыхъ, прибывшихъ на мѣсто преступленія, не можете-ли вы намъ нарисовать картину, которую вы тамъ увидѣли? Червон. Могу. Приблизительно въ 20 шагахъ отъ мостика лежалъ трупъ лицомъ къ землѣ. Тутъ-же полиціймейстеръ указалъ мнѣ на лежащую шапку и очки. Карабч. А на шапкѣ были кровавыя пятна? Червон. Нѣтъ, не было. Немного далѣе отъ трупа было вытолоченное мѣсто.

Карабч. Какъ вытолочено,—сильно или немного? Черв. Сильно вытолочено, такъ что видно, что тутъ долго сидѣли или лежали, здѣсь же стояла водка, лежала колбаса и притомъ такъ, что человекъ, сидѣвшій возлѣ водки, не могъ достать рукой колбасу, почему я и полагалъ, что здѣсь сидѣло двое. Карабч. Только изъ этого вы заключили, что сидѣло двое? Червон. Да, изъ этого; да и по мѣсту видно, что здѣсь сидѣло двое или трое. За мостикомъ, ближе къ дачѣ, на дорогѣ лежали очки; въ кустахъ торчалъ зонтикъ съ вывороченными прутьями. Карабч. А не замѣтно было помятой травы, какъ будто волокли по ней или борьба происходила? Червон. Нѣтъ, по мѣсту этого не видно было.

Куликовъ. Разскажите, какъ вы подослали къ Петру Скитскому человекъ. Червон. Это полиціймейстеръ распорядился, чтобы я подослалъ такого человекъ. Кулик. Одѣли его въ арестантское платье? Червон. Мы взяли проспавшагося пьянаго и научили его, чтобы онъ вывѣдалъ у Петра, правда ли, что тотъ убилъ Комарова. Черезъ два дня мнѣ передали записку, точнаго содержанія которой я не помню; въ общемъ было такъ, что Петръ Скитскій спрашивалъ: развѣ ты убилъ Комарова? Кулик. Но точно не помню содержаніе? Червон. Нѣтъ, не помню. Кулик. Что же вы сдѣлали съ этой запиской? Червон. Приѣхалъ товарищъ прокурора Дамилоскій и я тотчасъ ее передалъ ему; онъ хотѣлъ оставить записку у себя, но я сказалъ, что долженъ доложить своему начальнику и обѣщавался на другой день принести ее къ судебному слѣдователю. На другой день я действительно отправился къ судебному слѣдователю; но тамъ шель допросъ и заходить въ кабинетъ я считалъ неудобнымъ; я сидѣлъ въ приемной. Въ это время пришелъ помощникъ пристава Куликовскій, которому я, не дождавшись слѣдователя, передалъ записку въ запечатанномъ конвертѣ, съ просьбой непременно отдать лично товарищу прокурора, что Куликовскій и сдѣлалъ. Кулик. Куда же дѣлась эта записка, вѣдь вы знаете, что при разбирательствѣ дѣла въ Харьковѣ было заявлено, что записка не была передана? Червон. Я просилъ, чтобы полиціймейстеръ справился,—онъ справился и оказалось, что записка передана была Куликовскимъ товарищу прокурора Дамилоскому. Кулик. Вы разспрашивали въ монастырѣ о тѣхъ пастухахъ, которыхъ видѣлъ Степанъ Скитскій, когда 14-го іюля шель съ братомъ на Ворсклу? Червон. Да, разспрашивалъ. Кулик. Ну, и что же оказалось,—они пасли въ этотъ день? И пасли въ томъ мѣстѣ случайно, т. е. ни раньше, ни послѣ они не пасли? Червон. Да, мнѣ сказали, что именно такъ,—они пасли случайно, такъ какъ хлѣбъ убрали. Куликовъ. Я прошу огласить показаніе свидѣтеля Червоненки, гдѣ онъ говоритъ болѣе подробно о запискѣ Петра Скитскаго къ брату.

Членъ палаты Грабаръ. Какого рода пятна были на платьѣ Степана Скитскаго, — не видно было, чтобы они замывались? Червон. Нѣтъ, этого нельзя сказать; но нельзя было опредѣлить, что это за пятна, отчего они произошли. Грабаръ. На какихъ чиновниковъ указывалъ вамъ Степанъ Скитскій, какъ на недовольныхъ Комаровымъ, которыхъ можно заподозрѣвать въ убійствѣ? Червон. Онъ упоминалъ о какомъ-то Федьяновичѣ; о немъ производилось дознаніе и ничего не выяснено; говорилъ и еще объ одномъ, но тотъ уѣхалъ изъ Полтавы. Грабаръ. Какъ встрѣтилъ Петръ Скитскій извѣстіе объ арестѣ брата? Червон. Когда привели его въ полицейское управленіе, то съ нимъ сдѣлался какъ бы обморокъ.

Прокуроръ. Говорили вамъ пастушки, гдѣ именно они пасли телятъ въ тотъ день? Червон. Говорили, — они сказали, что возлѣ клуни. Я спрашивалъ монаховъ, почему они пасли именно здѣсь, и они мнѣ отвѣтили, что какъ разъ въ это время былъ хлѣбъ въ снопахъ и нужно, чтобы пастушки мальчики отгоняли телятъ отъ сноповъ, чтобы они не попортили. Прокур. Какъ вы думаете, Петръ Скитскій зналъ, что его записка попадетъ въ ваши руки? Червон. Нѣтъ, не думаю, чтобы онъ зналъ это.

Выховскій. Вы спрашивали Степана Скитскаго, почему онъ высказывалъ свое подозрѣніе въ убійствѣ на двухъ другихъ лицъ? Червон. Онъ мнѣ вовсе и не говорилъ, что подозреваетъ въ убійствѣ, — я его спрашивалъ лишь о томъ, кто былъ недоволенъ Комаровымъ; тогда онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ двоихъ и назвалъ ихъ фамиліи.

Карабчевскій. Значитъ, вы рѣшительно заявляете, что Ст. Скитскій ни о комъ не говорилъ, что онъ подозреваетъ въ убійствѣ. Червон. Нѣтъ, этого не говорилъ. Карабч. Зачѣмъ вы въ первый разъ пришли къ Ст. Скитскому? Червон. Какъ къ знакомому. Карабч. Что вы замѣтили особеннаго въ его квартирѣ? Червон. Ничего особеннаго; видно было, что онъ не прибиралъ своей комнаты: валялись объѣдки, стояли бутылки изъ-подъ водки. Карабч. Не можете ли вы намъ показать, какъ торчалъ въ кустахъ зонтикъ? Червон. Могу.

Ему предлагаютъ взять со стола, на которомъ лежали вещественныя доказательства, зонтикъ; свидѣтель беретъ, раскрываетъ, зонтикъ оказывается весь изодранный, чуть не въ клочки. Червоненко пытается приблизительно опредѣлить положеніе зонтика въ кустахъ.

Карабч. Зонтикъ такъ былъ разорванъ, какъ вы его видите сейчасъ?

Червон. Нѣтъ, тогда онъ былъ почти весь цѣлый, и только въ одномъ мѣстѣ надорванный.

Навопросъ члена палаты Каменцова, «можетъ быть, зонтикъ изорвался тогда, когда снимали съ кустовъ», свидѣтель Червоненко категорически заявилъ: «Нѣтъ, я у слѣдователя видѣлъ этотъ зонтикъ, и онъ не былъ тогда изорванъ».

Куликовъ. Вы допрашивали Попову, которая видѣла, какъ 14-го іюля Степанъ Скитскій велъ своего брата по спуску съ лазарскаго грунта? Червон. Да, я. Кул. Когда это было? Червон. Это было послѣ перваго суда въ Полтавѣ. Кул. А вы допрашивали о косарѣ, который у самого мостика косилъ траву 14 іюля? Червон. Не помню.

Оглашается показаніе Червоненко о запискѣ Петра; содержаніе ея, въ передачѣ свидѣтеля, таково: «Дорогой братъ Степанъ мнѣ сказали, будто ты убилъ Комарова. Если это правда, то я отреакался отъ тебя. Налиши. Безвинно за тебя страдающій братъ Петръ».

Выхов. Вы говорили Петру, что его братъ убилъ Комарова? Червон. Говорилъ. Выхов. Какъ онъ принялъ такое извѣстіе? Червон. Онъ былъ сильно пораженъ.

Карабч. Сыщику давали водки привести въ вашу камеру Петра Скитскаго?

Червон. Да, и онъ пронесъ и угостилъ его.

Прокуроръ. Вы знали о физической силѣ Степана Скитскаго? Червон. Зналъ. Прокур. Откуда вы знаете? Червон. Это было 15 лѣтъ тому назадъ. Я проѣзжалъ въ деревнѣ мимо двора отца Скитскаго и видѣлъ собравшуюся толпу мужиковъ. На мой вопросъ, что тутъ такое, мнѣ отвѣтили: да вотъ паничъ прѣхалъ изъ города, борется съ мужиками и всѣхъ поборолъ.

Сословн. представитель Основскій. Кто былъ, когда вы прибыли на мѣсто убійства?

Червон. Полицѣймейстеръ, исправникъ, 2—3 чиновника консисторіи и г-жа Комарора. Основскій. Можетъ быть, это и были тѣ чиновники, которые нашли трупъ Комарова? Червон. Не знаю. Сосн. А вы не знаете ихъ фамиліи и справокъ не наводили, кто же первый увидѣлъ убитаго? Червон. Нѣтъ.

Куликовъ. Я желалъ бы допросить свидѣтеля Котелевца, какъ торчалъ зонтикъ.

Вызывается Котелевецъ, которому вручаютъ зонтикъ; онъ смотритъ на него съ недоумѣніемъ.

Предсѣдатель. Это тотъ зонтикъ, который вы видѣли въ кустахъ? Котелевецъ. Тотъ, но онъ былъ не порванъ, онъ былъ только вывороченъ. Куликовъ. Какъ же онъ висѣлъ на кустахъ? Котелевецъ дѣлаетъ уморительныя манипуляціи, приговаривая: «вотъ такъ», «вотъ этакъ». Изъ его объясненій можно понять лишь то, что зонтикъ былъ вывороченъ и торчалъ въ кустахъ ручкой вверхъ.

Карабч. Вы когда пришли на мѣсто преступленія, — раньше или послѣ Червоненки?

Котелевецъ. Я — то? раньше, много раньше. Когда мы шли искать Комарова, то я пошелъ въ гору, а Дьяченко еще съ другими чиновниками пошелъ къ мостику. Я слышалъ, что Дьяченко первый увидѣлъ зонтикъ, а по зонтику нашли и Комарова. Карабч. А очки какъ лежали? Котелев. Очки лежали на дорогѣ. Выхов. Значитъ, Дьяченко первый и нашелъ убитаго? Котелев. Не знаю. Выховскій. Въ виду важности для дѣла показанія Дьяченко и въ виду близости его мѣста жительства, я ходатайствую передъ палатою о вызовѣ его въ качествѣ свидѣтеля.

Прокуроръ. Я считаю это излишнимъ, — у насъ имѣется много свидѣтелей, которые могутъ подробно рассказать, въ какомъ видѣ былъ трупъ и какъ лежали предметы.

Зеленскій. Я ходатайствую о вызовѣ Дьяченко и Дзюпкина; я уже разъ просилъ ихъ вызвать въ качествѣ свидѣтелей, хотя и для другой цѣли: это имѣло отношеніе къ показанію Бородаевой, которая видѣла двухъ бѣгущихъ по полюнѣ.

Карабчевскій (къ Котелевцу). Какъ вы думаете, свидѣтель, проходя по дорогѣ возлѣ того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, можно было видѣть зонтикъ? Котелев. Да, если туда посмотреть. Карабч. А тѣмъ болѣе, когда ищутъ? Котелев. Навѣрно, можно.

Объявляется перерывъ на 10 минутъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдатель прочитываетъ опредѣленіе палаты объ отклоненіи ходатайства о вызовѣ свидѣтелей Дьяченко и Дзюпкина, а также и полтавскаго уѣзднаго исправника.

Встаетъ Петръ Скитскій и еле-слышно говоритъ: Здѣсь говорили, будто меня арестовали въ консисторіи; это не такъ, — меня арестовали въ полиціи. Туда меня привелъ приставъ и прямо втолкнулъ... Здѣсь меня схватили городовые за руки, кто-то началъ кричать: «ты убійца! у тебя вездѣ кровь!»... Приставъ Царенко тоже кричалъ, махалъ кулаками, топталъ ногами... я ужасно растерялся... Потомъ я спросилъ: «гдѣ же мой братъ?» мнѣ отвѣчали: «гдѣ? — въ тюрьмѣ!» Больше я ничего не помню.

Взволнованный, онъ садится на скамью, и слезы тихо сползаютъ по его землистымъ щекамъ.

Вызывается свидѣтель помощникъ пристава Семеновъ.

Производя дознаніе,—дастъ свое показаніе свидѣтель,—гдѣ былъ купленъ бумажный мѣшочекъ съ помѣтками акцизнаго управленія, я заходилъ въ нѣкоторыя лавки, и между прочимъ въ лавку Воронеля. Тамъ мнѣ показали точно такіе мѣшочки Утромъ 16-го іюля я отправился на мѣсто преступленія, чтобы собрать свидѣнія; я увидѣлъ Комарову, идущую съ дачи. Она разговаривала съ чиновникомъ и указывала на то, что между Скитскимъ и ея мужемъ происходили недоразумѣнія и что она подозрѣваетъ его и брата въ убійствѣ своего мужа. Скитскихъ я тогда не зналъ, и попросилъ Горностаева показать мнѣ ихъ. Онъ отвѣтилъ, что тутъ нѣтъ Скитскихъ. „А вчера они были?“ спросилъ я.—„Нѣтъ, сказали мнѣ Горностаевъ, и вчера ихъ не было“. Послѣ вскрытія трупа, я поѣхалъ въ консисторію, предполагая, что Скитскій, какъ смотритель зданія, будетъ тамъ; но тамъ его не было; часа черезъ два я снова зашелъ въ консисторію, чтобы узнать, не прибылъ ли Скитскій, и опять его не засталъ дома. Раньше я посылалъ сторожа, а теперь отправился самъ и сталъ стучать въ дверь. Никто мнѣ не отперъ дверь,—значитъ никого дома не было. Вечеромъ я пришелъ уже въ третій разъ; Скитскій былъ въ канцелярію; я подошелъ къ нему и онъ мнѣ показался страннымъ. Я попросилъ его послѣдовать за мною въ полицію и по дорогѣ, замѣтивъ на рукахъ у него царапины и опухоль, я зашелъ къ частному врачу; но я не спросилъ врача, какого онъ держитъ убѣжденія о происхожденіи паралича,—я считалъ это неудобнымъ спрашивать при Скитскомъ. Я разыскивалъ и Петра Скитскаго, но его дома не было. Мы производили обыскъ въ квартирѣ Ст. Скитскаго и нашли тамъ страшный беспорядокъ: всюду валялись куски хлѣба, остатки колбасы, кислое молоко; въ залѣ приготовлена постель для двоихъ; брюки были заматы; полиціймейстеръ самъ лично усмотрѣлъ относительно окровавленныхъ капель. Установивши точно alibi (!) господина Скитскаго, я заходилъ въ разныя мѣста и узналъ, что Степанъ Скитскій былъ въ лавочкѣ Соколовой, написалъ письмо, кому, о чемъ писалъ, она, Соколова, не знаетъ, и для насъ это осталось неоткрытымъ. Я ходилъ въ монастырь, но тамъ мнѣ сказали, что его не было. Я открылъ также, что въ розыскѣ и похоронахъ Комарова принимали непосредственное и активное участіе всѣ чиновники; но гдѣ Скитскіе, такъ сказать, не присутствовали.

Прокуроръ. Вы говорите, что точно установили alibi Скитскаго,—какъ вы понимаете это слово? Семеновъ. Alibi—это провозженіе времени предыдущаго дня (всеобщій смѣхъ). Прокуроръ. Какія же свидѣнія вы получили объ alibi Скитскаго? Семеновъ. озирается и не понимаетъ, надъ чѣмъ и надъ чѣмъ смѣются.

Выховъ. Скажите, пожалуйста, свидѣтель, былъ Ст. Скитскій въ винной лавкѣ Николаевой? Семеновъ. Когда? Выховъ. 16 іюля. Семеновъ. Какъ? Выховъ. Нѣтъ, 15-го? Семеновъ. 15-го былъ у Николаевой. Выховъ. А 14-го? Семеновъ. Право не знаю. Выховъ. Ну, скажите, что вамъ рассказывала Николаева о Скитскомъ? Семеновъ. Она говорила, что Степанъ Скитскій заходилъ заказывать спичечницу, и она сообщила о преступленіи. Онъ, кажется, вообще перекрестился и былъ такъ разсѣянъ, что ушелъ, забывъ портфель. Николаева выслала его Скитскому съ дѣвочкой. Выховъ. А дѣвочка не побоялась пойти къ Скитскому? Семеновъ. (задумавшись). Да, да я слышалъ, что побоялась. Выховъ. Почему? Семеновъ. Вѣрно потому, что онъ былъ страшенъ. Выховъ. И портфель не понесла Скитскому? Семеновъ.

Нѣтъ, понесла,—очевидно, Николаева ее заставила. Выховъ. А у Соколовой вы были? Семеновъ. Былъ. Выховъ. Для чего? Семеновъ. Я собиралъ въ окрестностяхъ свидѣнія, былъ и въ пивныхъ, и въ разныхъ лавочкахъ. Выховъ. Гдѣ находится лавочка Соколовой? Семеновъ. У подножья горы. Выховъ. А на какой бумагѣ писалъ Ст. Скитскій? Семеновъ. Не знаю. Выховъ. Чѣмъ,—чернилами или карандашомъ? Семеновъ. Карандашомъ. Выховъ. А конь вертъ не просилъ? Семеновъ. Нѣтъ, не просилъ. Выховъ. И что же онъ сдѣлалъ съ этимъ письмомъ? Семеновъ. Вышелъ изъ лавки,—изорвалъ на мелкія части и тутъ же бросилъ. Выховъ. Вы не знаете о письмѣ Скитской, найденномъ въ кармапѣ ея мужа? Семеновъ. Да, мнѣ кто-то изъ чиновниковъ передавалъ, что нашли письмо слѣдующаго содержания: „Не трогай отца П. Мазанова, а въ остальномъ будь остороженъ“. Потомъ я слышалъ, кажется, отъ Котелевца, что Скитская, явившись съ дачи вечеромъ и узнавъ отъ швейцара объ арестѣ своего мужа, сказала: „я такъ и ждала“. Выховъ. А вы не слышали, что въ этомъ письмѣ было сказано: „въ добавленіе къ двумъ письмамъ, какія я тебѣ писала“. Семеновъ. Да, это было написано,—я слышалъ. Выховъ. А каковы были отношенія между братьями,—не находился ли Петръ подъ влияніемъ старшаго брата? Семеновъ. Да, Петръ находился подъ влияніемъ Степана Скитскаго. Выховъ. Ну, а когда вы спрашивали Ст. Скитскаго, зачѣмъ онъ повелъ брата на Ворсклу, не говорилъ онъ вамъ о системѣ лѣченія профессора Кнейпа? Семеновъ. Нѣтъ, не говорилъ; я съ нимъ въ философію не пускался (смѣхъ). Выховъ. Видѣли вы записку съ адресомъ, найденную Косолоновымъ на мѣстѣ убійства? Семеновъ. Да, видѣлъ. Выховъ. Какая она была? Семеновъ. Измятая, но мы тогда хорошо осмотрѣли мѣстность съ полиціймейстеромъ Ивановымъ, и тамъ ее не было; полиціймейстеръ искалъ пуговицы отъ рубашки Ст. Скитскаго, у которой ее не доставало. Выховъ. Вы производили дознанія о личностяхъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга? Семеновъ. Другіе производилъ, а я—нѣтъ. Выховъ. Ну, и что же? Семеновъ. Все это къ дѣлу не относилось. Выховъ. Вы не спрашивались, былъ ли Петръ у Брикера? Семеновъ. Спрашивался,—онъ тамъ, дѣйствительно, былъ и пьянствовалъ. Выховъ. А вы не спрашивали, что ѣли Скитскіе 14 іюля? Семеновъ. Мы, говорить, ничего не ѣли, сказали они экспромптомъ. Выховъ. Видно изъ засады дорогу изъ Полтавы, и идущихъ по ней? Семеновъ. Да, дорогу видно. Выховъ. А сидящихъ въ засадѣ? Семеновъ. Ихъ нельзя было видѣть,—они закрывались вѣтвями кустовъ.

Карабч. Зачѣмъ вамъ нуженъ былъ докторъ, когда вы замѣтили у Ст. Скитскаго опухоль и царапины? Семеновъ. Я не повѣрилъ его разсказамъ,—онъ говорилъ, что опухоль произошла отъ удара вѣсломъ. Карабч. Что же тутъ страннаго и невѣроятнаго? Семеновъ. Отъ вѣсла долженъ быть непременно сныкъ? Карабч. Откуда вы знаете? Семеновъ. Да, я думаю, разъ ударили вѣсломъ, то долженъ быть сныкъ. Карабч. А царапины чѣмъ же васъ удивили? Семеновъ. Какъ же,—Ст. Скитскій говорилъ, что ловилъ раковъ, а царапины были на наружной сторонѣ,—этого не должно быть. Карабч. Почему же этого не должно быть? вѣдь онъ не говорилъ вамъ, что царапины образовались отъ того, что его раки царапали: они могли образоваться при ловлѣ,—вѣдь вы знаете, что такіе же царапины обнаружены и на ногахъ. Вы узнавали „alibi“ Скитскихъ,—къ какому это дню относилось? Семеновъ. Къ 14. Карабч. Что же вы узнали? Семеновъ. Виновать, я хотѣлъ сказать къ 15. Карабч. Для чего же вамъ нужно было знать, какъ провели время Скитскіе 15 іюля? Семеновъ. Я хотѣлъ, такъ сказать, опредѣлить характеристику чедовѣка. Карабч. Вы Соколову спрашивали о письмѣ, которое будто бы писалъ въ ея

лавочкѣ Ст. Скитскій? Семен. Да, спрашивалъ. Карабч. А въ засѣданіи видѣли ее,—она находилась въ качествѣ свидѣтельницы? Семен. Нѣтъ. Карабч. А дѣвочка (Николаевой) сама вамъ говорила, что она боялась Скитскаго? Семен. Нѣтъ, я слышалъ отъ Николаевой. Карабч. Почему дѣвочка боялась; можетъ быть, потому, что было уже поздно (ночью), можетъ быть, потому, что только-что рассказывали объ убійствѣ? Семен. Я полагаю, что она боялась Скитскаго,—его настроенія боялась. Карабч. Вамъ казалось подозрительнымъ, почему Скитскіе не были на погребеніи,—а вы знаете, что всѣ чиновники тамъ были? Семен. Да, мнѣ говорили, что всѣ. Карабч. А сами вы не провѣряли? Семен. Нѣтъ. Карабч. Кто вамъ сказалъ, что Котелевецъ сообщилъ Скитской объ арестѣ ея мужа и будто она на это заявила: „я такъ и ждала“? Семен. Чуть ли не онъ самъ (Котелевецъ).

Зеленскій. Вы производили обыскъ у Скитскаго? Семен. Я и приставъ Паренко. Зеленск. Нашли тамъ хлѣбъ и колбасу? Семен. Да, нашли. Зелен. А вы взяли эту колбасу и хлѣбъ? Семен. Нѣтъ, не взяли. Зелен. Почему? Семен. Не было такого приказанія. Зелен. А квартиру опечатали? Семен. Да, опечатали. Зелен. Обѣ двери? Семен. Нѣтъ, одну. Зелен. А у Вороненя брали образцы мѣшочковъ? Семен. Кажется, брали. Зелен. Вы слѣдили за Андреевымъ и сказали, что это къ дѣлу не относится? Семен. Это было поручено другимъ приставамъ. Зелен. Вы все записывали, что собирали? Семен. Агентурныя свѣдѣнія мы записываемъ только для себя. Зелен. Какія это „агентурныя свѣдѣнія“? Семен. Тѣ, которыя добываются черезъ нашихъ „агентовъ“. Зелен. Ну, а у Соколовой вы сами были, и сами ее разспрашивали? Семен. Самъ. Зелен. Почему же не составили протокола? Семен. Да это къ дѣлу не относилось. Зелен. Какъ къ дѣлу не относилось, а здѣсь вы судѣ распространяетесь?

Куликовъ. Почему при первомъ разбирательствѣ дѣла Харьковской судебной палаты вы не упоминали ни о Соколовой, ни о дѣвочкѣ (Николаевой)?

Семен. Я не помню.

Куликовъ. Вы намъ говорите о многихъ легендарныхъ слухахъ, но вы развѣ не знаете, что по закону нельзя передавать непровѣренные слухи, добавокъ неизвѣстно откуда исходящіе?

Предсѣдатель. Господинъ защитникъ! прошу подобныхъ вопросовъ не задавать; я считаю ихъ неумѣстными. Продолжайте.

Куликовъ. Больше я ничего не имѣю.

Грабаръ (членъ палаты). Какая была колбаса въ квартирѣ Ст. Скитскаго,—не такая ли, какую нашли у мостика?

Семен. Нѣтъ, другая.

Быховъ. Вы не спрашивали Скитскихъ, какой берегъ, гдѣ они купались,—не крутой ли и можно ли тамъ ловить раковъ?

Семен. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Быховъ. А какъ старшій братъ дѣлалъ компромиссы младшему?

Семен. Кажется, носовымъ платкомъ.

Карабчевскій. Поднимается, чтобы задать свидѣтелю вопросы по тому же предмету; но предсѣдатель прерываетъ.

Прошу не предлагать вопросовъ, имѣющихъ характеръ пререканій, всегда происходящихъ между защитникомъ и гражданскимъ истцомъ.

Карабчевскій. Но если мои вопросы вносятъ нежелательный элементъ въ пренія, то я отказываюсь (садится).

Предсѣдатель. Я хотѣлъ этимъ лишь предупредить васъ.

Карабч. Я просилъ бы вызвать свидѣтеля

Котелевца (къ Котелевцу). Вы первый встрѣтили г-жу Скитскую, когда она пріѣхала съ дачи?

Котелевецъ. Да, первый.

Карабч. Какой разговоръ у васъ былъ съ г-жей Скитской?

Котел. Когда она подошла къ своей квартирѣ и увидала, что она опечатана, то удивилась и спросила меня: „что такое значить“? Я ей сказалъ, что Степанъ Леонтьевичъ арестованъ; она тутъ заплакала и сейчасъ же вышла.

Карабч. А не говорила она: „я такъ и ждала“?

Котел. Нѣтъ, не говорила!

Карабч. А вы помощ. пристава Семенову не говорили чего нибудь въ этомъ родѣ?

Котел. (увѣренно). Ничего подобнаго не говорилъ,—и не думалъ даже!

Карабчевскій. Я прошу устроить очную ставку между Семеновымъ и Котелевцомъ.

Семеновъ (весь вспыхиваетъ и начинаетъ лепетать). Я.. насколько помню:—мнѣ думается.— Я слышалъ,—а можетъ быть, мнѣ другой сторожъ говорилъ... тамъ есть еще сторожа.

Котелевецъ. Сторожа то у насъ есть, да только барыню то я первый встрѣтилъ; и она какъ есть ничего подобнаго не говорила, что вы сейчасъ показывали. Ну, развѣ я вамъ говорилъ?

Семен. Я не помню... можетъ быть, чиновники говорили...

Котелев. Да вѣдь она ночью пріѣхала,—никакихъ тамъ чиновниковъ не было.

Зеленскій. Скажите, Котелевецъ, какъ по вашему, знала заранѣе (до пріѣзда) Скитская объ арестѣ мужа? Котелев. Нѣтъ, не знала; она и вещи съ собой привезла, которыя оставила на улицѣ. Быховъ. А что Скитская и раньше пріѣзжала съ дачи? Котелев. Пріѣзжала недѣли двѣ назадъ.

Вызывается свидѣтель приставъ Косолаповъ. Я былъ на Ильинской ярмаркѣ и завѣдывалъ ярмаркой, когда произошло убійство. Потомъ числа 26 ярмарка кончилась и полиціймейстеръ поручилъ мнѣ розыскать владѣльца фуражки. Я обращался къ консисторскимъ сторожамъ и ихъ семьямъ, но всѣ они отказались признать фуражку своей. Интересуясь самымъ мѣстомъ преступленія, а также и тѣмъ мальчикомъ, который будто бы видѣлъ убійство, я рѣшилъ повѣхать на мѣсто преступленія. Съ этой цѣлью я отправился во вторую часть, чтобы узнать, какъ проѣхать туда, и по дорогѣ встрѣтилъ своего знакомаго Торбенку, который попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ. Я согласился. Пріѣхавъ на мѣсто преступленія, мы послали за мальчикомъ, но его дома не застали. Въ это время намъ бросился въ глаза довольно большой лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: „Дача Склифасовскаго, дорога на Терновщину“. Велѣвъ за этимъ мы замѣтили на деревѣ висѣвшую палку свѣтлаго цвѣта. Пастухъ намъ объяснилъ, что палка эта виситъ со дня убійства. Я возвратился и доставилъ полиціймейстеру записку и палку; но полиціймейстеръ сказалъ, что о палкѣ онъ уже знаетъ,—она принадлежитъ одному изъ крестьянъ, сторожившихъ трупъ Комарова; записку же онъ представилъ судебному слѣдователю, который поручилъ мнѣ разузнать, кто писалъ записку. Онъ мнѣ сказалъ: „обратитесь къ Горностаеву,—онъ узнаетъ, чей почеркъ“. Горностаевъ сказалъ, что записка писана рукой архивариуса Торскаго; онъ досталъ бумаги, сличилъ почеркъ и сказалъ, что онъ схожъ.

Записку я возвратилъ слѣдователю, который поручилъ мнѣ: если Торскій раньше ушелъ изъ консистории, тѣмъ Комаровъ, то ничего ему не говорить, если же послѣ, то спросить, онъ ли писалъ. Я такъ и сдѣлалъ. Чиновникъ Леоновъ сообщилъ мнѣ, что 14-го іюля Торскій ушелъ со службы около 4-хъ часовъ. Я обратился къ Торскому и, показавъ ему записку, спросилъ: вы это писали?“ онъ

взглянулъ и отвѣтилъ: „да, я писалъ“; потомъ сказалъ: „дочеркъ очень сходенъ съ моимъ, но я никому не давалъ такой записки, и Комаровъ намъ запретилъ давать его адресъ.“ Черезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ Торскій и говорить, что прѣвѣзжалъ офицеръ Терентьевъ и спрашивалъ адресъ Комарова.

Прокуроръ. Вамъ поручено было разслѣдовать дѣло о фуражкѣ, зачѣмъ же вы осматривали мѣсто? Косолап. Я случайно попалъ на мѣсто.— мнѣ собственно хотѣлось видѣть мальчика и отъ него узнать... Прокур. Вы надѣялись, что вамъ удастся сдѣлать то, что другимъ не удалось? Косолап. Такъ точно.

Быховъ. Зачѣмъ же вы взяли съ собой Торбенку? Косолап. Это вышло неожиданно; я встрѣтилъ его на дорогѣ, мы разговорились и я узналъ, что онъ знакомъ съ мѣстностью; ну, я и согласился поѣхать съ нимъ вмѣстѣ, когда тотъ попросился.

Карабчевскій. Какого числа кончается въ Полтавѣ Ильинская ярмарка? Косолап. 1-го августа; но затишь начинается раньше. Карабч. Кто писалъ адресъ,—Торскій или Терентьевъ? Косолап. Мнѣ самъ Торскій сказалъ, что кто-то другой изъ чиновниковъ указывалъ адресъ, а Терентьевъ записывалъ на ключъ бумаги.

Вызывается приставъ Червоненко

Грабаръ (членъ палаты). Вы слышали объясненія Петра Скитскаго,—что вы скажите на это? Червон. Я не слышалъ,—онъ тихо говоритъ.

Петръ Скитскій. Это не во второй части было, а въ городской полиціи.

Вызывается приставъ Царенко.

Царенко. Въ городской полиціи городскихъ вовсе нѣтъ,—тамъ одинъ казакъ. Карабч. Вы говорите,—городовыхъ нѣтъ, а тотъ сыщикъ, онъ служащій въ полиціи? Царенко. Я не знаю, это во второй части. Карабч. Да было то, о чемъ говорилъ Петръ Скитскій? Царенко (въ замѣшательствѣ). Я не помню, чтобы при мнѣ это было...

Вызывается свидѣтель Куликовскій (помощн. пристава).

Зеленскій. Приставъ Червоненко вамъ поручалъ передать записку товарищу прокурора Дамиловскому? Куликовскій. Да, онъ далъ мнѣ запечатанный пакетъ и я передалъ его Дамиловскому.

Карабчевскій. Я прошу полицеймейстера Иванова указать то мѣсто на фуражкѣ, гдѣ, по его мнѣнію, была кровь.

Полицеймейстеръ торжественно беретъ фуражку и на самой ея срединѣ обводитъ огромный кругъ и произноситъ: „вотъ тутъ“!

Карабч (къ Червоненко). Но вы вѣдь были вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ ни разсматривали фуражку,—видѣли вы кровавое пятно? Червон. Нѣтъ, пятна не было.

Объявляется перерывъ засѣданія до 9 часовъ утра слѣдующаго дня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Признавъ необходимымъ изяснить истинный разумъ закона о неотчуждаемости имѣній, составляющихъ собственность Царствующаго Императора, повелѣваемъ: дворцовыя имущества, именуемыя Государевыми, признавать не подлежащими ни въ дѣломъ, ни въ части, дѣйствию земской давности.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Царское Село.
27 мая 1900 года

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Въ ряду мѣръ, особымъ совѣщаніемъ по дѣламъ дворянскаго сословія соображаемыхъ, былъ имъ разсмотрѣнъ и внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта вопросъ объ условіяхъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ родословныя книги.

Утвердивъ нынѣ послѣдовавшія по сему предметамъ заключенія Государственнаго Совѣта, Мы увѣрены, что русское дворянство, пополняясь и впредь лучшими людьми, съ вѣщшею пользою будетъ нести исконно-вѣрную свою службу Престолу и Отечеству. Посему повелѣваемъ:

1. Дѣйствующій законъ о пожалованіи потомственнаго дворянства (ст. 19 зак. сост., св. зак., т. IX, изд. 1899 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Пожалованіемъ потомственное дворянство пріобрѣтается, когда какое-либо лицо возводится въ дворянское достоинство съ потомствомъ по особенному усмотрѣнію Самодержавной власти.

2. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Потомственное дворянство за служебныя отличія пріобрѣтается: а) лицами, удостоившимися на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, производства въ чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника или капитана I ранга, или пожалованія русскими орденами первыхъ степеней или орденами св. Георгія всѣхъ степеней, а св. Владимира первыхъ трехъ степеней, и б) лицами духовнаго званія при сопряженіи ихъ къ одному изъ поименованныхъ орденовъ.

2) Лица духовнаго званія и лица, состоявшія на службѣ гражданской или военной, чрезъ пожалованіе ихъ орденомъ св. Владимира 4 степени, пріобрѣтаютъ по сему пожалованію дворянство личное, если они до того не имѣли сихъ правъ или высшихъ.

3) Орденъ св. Владимира 3 степени въ порядкѣ постепенности награжденія орденами не можетъ быть испрашиваемъ лицамъ, занимающимъ должности ниже пятаго класса и состоящимъ въ чинахъ ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а военно-служащимъ—въ чинахъ ниже полковника или капитана I ранга.

4) Собранію предводителей и депутатовъ дворянства предоставляется отказывать въ удовлетвореніи ходатайства потомственнаго дворянина, не владѣющаго недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерній, о внесеніи его (рода въ дворянскую родословную книгу).

5) Означенныя въ предшедшей статьѣ дѣла разрѣшаются въ собраніи предводителей и депутатовъ дворянства при непремѣнномъ участіи всѣхъ предводителей дворянства губерній или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто. Опредѣленія сего собранія объ отказѣ во внесеніи дворянскаго рода въ родословную книгу губерній постановляются большинствомъ не менѣе двухъ третей наличнаго числа членовъ собранія и обжалованію не подлежатъ.

6) Евреи, пріобрѣвшія права потомственнаго дворянства, въ губернскія дворянскія родословныя книги не вносятся.

3. Дѣйствующія постановленія о возведеніи въ потомственное дворянство на основаніи приносящихъ личное дворянство чиновъ, пожалованныхъ отцу, дѣду и прадѣду просителя—отмѣнить.

IV. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи подвергнуть разработкѣ вопросъ о порядкѣ веденія родословныхъ книгъ для дворянъ, не записанныхъ въ родословныя книги въ губерніяхъ, и предположенія по сему предмету внести на утвержденіе установленнымъ порядкомъ въ возможно непродолжительномъ времени.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежачія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ.
28 мая 1900 года.

Хроника.

По выслушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 17 марта за № 1579 (по деп. полиціи), о предоставленіи Варшавскому генераль-губернатору особыхъ полномочій по **изданію обязательныхъ постановленій** по предметамъ, относящимся къ предупреденію нарушенія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, комитетъ министровъ полагалъ: предоставить Варшавскому генераль-губернатору, въ видѣ временной мѣры, въ теченіе трехъ лѣтъ: 1) издавать въ предѣлахъ вѣреннаго ему края обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупреденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности; 2) устанавливать за нарушеніе таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 руб., и 3) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ имъ обязательныхъ постановленій, при чемъ генераль-губернаторъ можетъ уполномочивать на разрѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему начальниковъ губерній и Варшавскаго оберъ-полицеймейстера.

Государь Императоръ, въ 11 день апрѣля 1900 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Высочайше разрѣшено **допущеніе лицъ женскаго пола къ занятіямъ** по письменной и счетной частямъ въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ названнаго министерства, а также въ канцеляріяхъ правительствующаго сената, безъ предоставленія имъ правъ и преимуществъ, государственною службою приобретаемыхъ, а равно права на замѣщеніе штатныхъ должностей, причемъ отъ министра юстиціи будетъ зависѣть ближайшимъ образомъ опредѣлить, въ какихъ именно мѣстахъ, въ какомъ числѣ и для исполненія какихъ работъ могутъ быть допущены женщины. (Т.-Пр. Г.).

„Сѣверный Курьеръ“ слышалъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ введены въ дѣйствіе новыя правила, направленные противъ **пьянства „скопомъ“** въ публичныхъ и вообще открытыхъ мѣстахъ. Исходя изъ того наблюденія, что, съ введеніемъ казенной продажи питей, пьянство перешло изъ

мѣсть закрытой продажи питей на улицы и площади, министерство юстиціи, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, рѣшило законодательнымъ порядкомъ ограничить протекающія отсюда безобразія. По новымъ правиламъ за публичное распитіе вина скопомъ на улицахъ виновные будутъ подвергаться штрафу по усмотрѣнію мирового судьи (до 50 руб.), а въ случаѣ несостоятельности аресту до 5 дней.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что, согласно ст. 282 общ. губ. учр. т. II изд. 1892 г., на обязанности губернаторовъ лежитъ забота о томъ, чтобы всѣ по вѣдомству ихъ мѣста и должности были занимаемы достойными уваженія и вполне благонадежными чиновниками, и посему губернаторы не лишены права отказывать въ зависящемъ отъ нихъ утвержденіи выборныхъ должностныхъ лицъ, о способностяхъ, нравственныхъ качествахъ и образѣ жизни коихъ у нихъ, губернаторовъ, имѣются неблагопріятныя свѣдѣнія. Но, засимъ, согласно ст. 84 гор. пол. т. II изд. 1892 г., губернаторъ, если усмотритъ изъ представленнаго ему выборнаго производства существенныя нарушенія законнаго порядка при выборахъ, — не имѣетъ права собственною властью отказать въ утвержденіи избраннаго при таковыхъ условіяхъ лица и требовать производства новыхъ выборовъ, а обязанъ предложить о томъ мѣстному по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствію и лишь послѣднее, по должномъ обсужденіи, можетъ признать произведенные выборы неправильными и неподлежащими утвержденію. (Указъ 11 мая 1900 г. № 5531).

7 іюня поступило въ угол. касс. департаментъ Пр. Сената дѣло по жалобамъ: 1) защитника мѣщанъ **Александра и Христины Карповыхъ**, прис. повѣрен. Гиршфельда и присоединившагося къ оной мѣщанина Ивана Карпова и 2) повѣренныхъ гражданской истцы Александры Тальмы, прис. повѣр. Грушецкаго и кандид. правъ Кальмановича, на приговоръ Пензенскаго окружнаго суда, по обвиненію Карповыхъ по 1453 и 1455 ст. улож. о нак. Дѣло предполагается слушать 5 іюля, по докладу сенатора С. Ф. Платонова, а заключ. предъявить тов. оберъ-прокурора А. Д. Смирновъ.

„Nya Pressen“ помѣстила **рѣчь барона Вреде** съ прощальнымъ привѣтствіемъ къ ландмаршалу по случаю закрытія сейма. Ораторъ благодарилъ ландмаршала отъ лица дворянскаго сословія за его дѣятельность. Далѣе онъ указывалъ на то, что земскіе чины собраны были на сеймъ „при весьма неблагопріятныхъ и полныхъ опасенія обстоятельствахъ“. Не прошло и 8-ми мѣсяцевъ, послѣ закрытія чрезвычайнаго сейма, говоритъ онъ затѣмъ, какъ начались сессіи настоящаго. Чрезвычайный сеймъ замѣчательнѣе тѣмъ, что представителямъ страны были впервые предложенъ проектъ, заключающій въ себѣ полное отрицаніе правъ финскаго народа на собственное національное и политическое бытіе“. Указывая далѣе на то обстоятельство, что Государемъ Императоромъ еще не рѣшенъ вопросъ по данному на этотъ проектъ отвѣту земскихъ чиновъ, и подчеркивая изданіе затѣмъ Манифеста отъ

3-го (15-го) февраля 1899 г., ораторъ говоритъ: „и вотъ въ это время безпокойства и напряженія, когда финскій народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ рѣшенія своего Монарха по болѣе важнымъ вопросамъ, этотъ народъ одновременно долженъ былъ оставаться свидѣтелемъ управленія страной по системѣ, которая не руководствовалась уваженіемъ къ правамъ страны и желаніемъ ей блага, при чемъ особому безпримѣрному преслѣдованію подверглась газетная пресса, а ненормальное положеніе, въ которомъ находилось съ 1891 года наше почтовое вѣдомство, подало поводъ къ новымъ вмѣшательствамъ. Вотъ почему, восклицаетъ онъ, земскіе чины Финляндіи и на этотъ разъ нашли себя вынужденными, соблюдая основныя права законовъ, почтительнѣйше повергнуть къ Его Императорскому Величеству глубочайшую горестъ и опасенія, — вслѣдствіе нарушеннаго правового порядка и угрожающаго общественному строю положенія. — Во всякомъ случаѣ земскіе чины могутъ быть спокойны въ сознаніи, что они, по силѣ возможности, выполнили свой долгъ по отношенію къ монарху и отечеству“. — Рѣчь заканчивается выраженіями признательности и симпатіи къ ландмаршалу. (Финл. газ.)

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что въ виду исполняющагося въ сентябрѣ **десятилѣтія введенія** въ Курской губерніи **земскихъ начальниковъ** мѣстное губернское присутствіе рѣшило произвести изслѣдованіе по вопросу о томъ, какое вліяніе оказала этотъ институтъ на крестьянское населеніе губерніи. Присутствіе разослало составленную имъ программу всѣмъ земскимъ начальникамъ, проси ихъ доставить отвѣты не позже 15-го іюня. Газета находитъ, что принятый присутствіемъ приемъ изслѣдованія едва ли можно признать целесообразнымъ. Въ интересахъ болѣе всесторонняго выясненія вопроса слѣдовало бы не ограничиваться собраніемъ свѣдѣній отъ однихъ земскихъ начальниковъ, которымъ въ этомъ случаѣ приходится отчасти аттестовать свою собственную дѣятельность, а обратиться къ другимъ источникамъ — мѣстнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ, какъ, наприм., земскимъ управамъ, сельскимъ священникамъ, врачамъ и учителямъ и т. п. Еще важнѣе было бы произвести изслѣдованіе по документамъ, имѣющимся въ канцеляріяхъ земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ правленіяхъ. Этимъ путемъ могли бы быть освѣщены такіе, напримѣръ, вопросы, какъ ростъ мірекихъ расходовъ за послѣднее десятилѣтіе и т. п.

Нѣкоторымъ **земскимъ начальникамъ** Фатежскаго уѣзда Курской губерніи пришла идея соединить телефономъ всѣ волостныя правленія съ городомъ Фатежомъ на мірекія суммы. (Р. Вѣд.)

Въ жизни ардатовскаго городского самоуправления на-дняхъ произошелъ, по словамъ казанскихъ газетъ, фактъ, небывалый еще въ дѣтописяхъ этого учрежденія за все время его 25-лѣтней дѣятельности. Въ особомъ засѣданіи город. дума, въ лицѣ всѣхъ гласныхъ, сдѣлала публичный **выговоръ управѣ**, выразивъ этимъ

лицамъ свое неудовольствіе за ихъ халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. (С. Кур.)

Ходатайство херсонскаго губернскаго земства о томъ, чтобы выработанный правительствомъ **проектъ новаго устава объ обезпеченіи народнаго продовольствія** предварительно его утвержденія былъ переданъ на обсужденіе земства, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признано, — какъ передаетъ „Югъ“, — не подлежащимъ удовлетворенію. При этомъ министерство представляя о семъ комитету министровъ, объяснило, что вопросъ о наилучшей постановкѣ продовольственнаго дѣла еще въ 1892 г. передавался министерствомъ на обсужденіе продовольственнаго совѣщанія, съ участіемъ въ немъ и представителей отъ земства, а въ состоявшейся Высочайше учрежденной 18 февраля 1893 г., подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Плеве, комиссіи по пересмотру проекта устава, участвовали предсѣдатели нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ управъ. Въ настоящее время проектъ новыхъ правилъ по обезпеченію продовольствія сельскихъ обывателей внесенъ уже на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и въ затребованіи заключеній по сему предмету мѣстныхъ органовъ не представляется никакой необходимости. Въ виду этого, комитетъ министровъ положилъ представить г. министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство губернскаго земства отклонить, о чемъ чрезъ посредствующіе органы доведено до свѣдѣнія херсонскаго губернатора.

Намъ сообщаютъ изъ Н.-Новгорода, что при выкупѣ крестьянами 17 селеній 10-го городецкаго и коровинскаго сельскихъ обществъ балахнинскаго уѣзда земли у своей бывшей помѣщицы гр. П. Паниной оказалось, что въ пользованіи названныхъ обществъ, которымъ по уставнымъ грамотамъ отведено было то количество земли, какимъ они владѣли при введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г., находится земли болѣе этого количества: у 10-го общества на 231 дес. 2225 саж. и у коровинскаго на 781 дес. 1338 саж. Крестьянскія учрежденія въ 1888 году признали, что это обстоятельство можетъ быть объяснено единственно тѣмъ, что крестьяне послѣ составленія уставныхъ грамотъ захватили въ свое пользованіе часть лѣсныхъ пространствъ, находившихся всегда въ распоряженіи помѣщицы, и что эти **излишне захваченныя крестьянами земли** подлежатъ отрѣзкѣ въ пользу гр. Паниной. Постановленія крестьянскихъ учреждений, за пропускомъ крестьянами срока на обжалованіе, вступили въ законную силу и вслѣдствіе этого крестьяне получили выкупные акты и планы только на ту землю, которая должна состоять въ ихъ владѣніи за отрѣзкою излишнихъ земель. Въ 1897 году, по ходатайству графини Паниной, нижегородскимъ губернскимъ правленіемъ былъ командированъ казенный землемѣръ для отграниченія крестьянскихъ надѣловъ согласно выкупнымъ документамъ, но крестьяне заявили землемѣру споръ о границахъ владѣнія и губернское правленіе прекратило у себя дѣло. Тогда въ 1898 г. Панина предъявила къ отдѣльнымъ селеніямъ 17 исковъ объ

отграниченіи надѣловъ въ окружномъ судѣ въ судебномъ-межевомъ порядкѣ. Одновременно графиней были предъявлены къ нѣкоторымъ селеніямъ иски о возстановленіи ей нарушеннаго крестьянами владѣнія отрѣзными землями въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Иски эти еще не получили окончательнаго разрѣшенія и по одному изъ нихъ балахнинскій уѣздный съѣздъ потребовалъ отъ управляющаго графини Шеремянскаго представленія доказательствъ о томъ, что отрѣзная земля находилась ранѣе въ фактическомъ владѣніи графини.

Во время производства этихъ дѣлъ крестьяне узнали, что управляющій Шеремянскій намѣревается приступить къ засадкѣ отрѣзныхъ земель лѣсомъ, о чемъ они и заявили мѣстному земскому начальнику. Послѣдній распорядился воспретить пользование отрѣзными землями, впредь до рѣшенія спора, какъ той такъ и другой стороной. Однако, по жалобѣ Шеремянскаго, это распоряженіе было признано губернскимъ присутствіемъ неправильнымъ и отмѣнено, а затѣмъ, по вторичному, одинаковому съ предыдущимъ заявленію крестьянъ, послѣдовало разъясненіе въ томъ общемъ смыслѣ, что должно быть охраняемо всякое владѣніе, хотя бы и незаконное.

При такомъ положеніи дѣла, на этихъ дняхъ на отрѣзную землю крестьянъ дер. Коровиной, уже вспаханную ими, явились мѣстный становой приставъ и управляющій Шеремянскій въ сопровожденіи 40 сельскихъ полицейскихъ и 23 рабочихъ графини Паниной, со всѣми орудіями и принадлежностями для посадки лѣса. Собравшейся тотчасъ толпѣ крестьянъ (около 500 человекъ) приставъ объявилъ, что они должны допустить управляющаго и рабочихъ до посадки, на вопросъ же крестьянъ, на какомъ основаніи онъ требуетъ этого и имѣть ли на это исполнительный листъ суда, отвѣтили, что онъ дѣйствуетъ по предписанію подлежащей власти (какъ выяснилось впоследствии — земскаго начальника). Крестьяне отказались исполнить требованіе пристава и въ результатѣ между сторонами произошло столкновеніе, причемъ одинъ изъ полицейскихъ нанесъ ударъ пашкой по головѣ крестьянину Смирнову и разрубилъ на немъ шапку, а управляющій вынулъ револьверъ; управляющаго успѣлъ остановить приставъ, а шапку отняли крестьяне. Въ концѣ-концовъ приставъ и управляющій съ своими подчиненными должны были удалиться, погнувъ принесенныя ими орудія и принадлежности, а затѣмъ приставъ составилъ протоколъ о сопротивленіи крестьянъ власти, которому, какъ слышно, и данъ уже дальнѣйшій ходъ.

Диспутъ В. Э. Вальденберга.

Въ воскресенье, 21 мая, въ актовомъ залѣ С.-Петербургскаго университета В. Э. Вальденбергъ защищалъ диссертацию на степень магистра государственнаго права: „Законъ и право въ философіи Гоббеса“.

Владиміръ Эдуаровичъ Вальденбергъ, православнаго исповѣданія, родился въ Москвѣ 24 декабря 1871 года. Среднее образованіе получалъ, сначала, въ реальномъ училищѣ Гуревича, а потомъ въ VI Спб. гимназій, которую и окончилъ въ 1890 году.

Въ томъ же году поступилъ на юридическій факультетъ Спб. университета. Студентомъ II-го курса получилъ серебряную медаль за сочиненіе на тему: „Ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ въ связи съ его общей философской теоріей“. Въ 1894 году окончилъ университетъ съ дипломомъ I степени, а 1 октября того же года былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права. Въ 1896 г. сдалъ установленные экзамены на степень магистра государственнаго права.

Въ настоящее время диспутантъ состоитъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ Петровскомъ училищѣ Спб. куческаго общества.

Литературную свою дѣятельность Вальденбергъ началъ еще въ университетѣ, участвуя въ переводѣ на русскій языкъ „Исторіи новой философіи“ Фалькенберга. Съ тѣхъ поръ онъ напечаталъ рядъ статей, преимущественно по общимъ вопросамъ права, въ журналахъ: „Сѣверный Вѣстникъ“, „Вопросы философіи и психологіи“, „Начало“ и „Счетловодство“, въ „Юридической Газетѣ“ и въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза. Изъ этихъ статей болѣе обширный объемъ имѣютъ:

- 1) Основанія макіавелизма;
- 2) О задачахъ философіи права;
- 3) Къ вопросу о позитивной этикѣ;
- 4) Прудонъ, очеркъ его ученія;
- 5) Права на комиссіонный товаръ.

Кромѣ того онъ печаталъ, въ тѣхъ-же изданіяхъ, рядъ рецензій.

Отдѣльными изданіями диспутантъ выпустилъ:

- 1) Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства, 1900 г. и
- 2) Законъ и Право въ философіи Гоббеса, 1900.

Во вступительной рѣчи своей диспутантъ сказалъ: Мнѣ могутъ поставить въ упрекъ выборъ самой темы моего изслѣдованія, могутъ сказать, что вопросъ, которымъ я занимаюсь, вовсе не заслуживаетъ изученія. Въ самомъ дѣлѣ: къ чему изучать какого-то англійскаго философа, писавшаго два съ половиною столѣтія тому назадъ и принадлежащаго вдобавокъ, къ такому направленію, которое считается давнымъ давно отжившимъ? Неужели въ этомъ заключается задача теоретика права? Неужели нѣтъ задачъ, болѣе важныхъ, болѣе неотложныхъ и болѣе насущныхъ? Развѣ не болѣе цѣлесообразно было бы изслѣдовать хотя бы одинъ изъ того множества вопросовъ общей теоріи права, въ частности, теоріи государственнаго права—вопросовъ, которыхъ такъ много накопилось въ послѣднее время, и которые такъ настоятельно требуютъ своего разрѣшенія? Какое отношеніе имѣетъ Гоббесъ къ общимъ задачамъ современной юридической науки?

Я долженъ сказать, что подобныя упреки я уже слышалъ отъ многихъ. Эти упреки представляются мнѣ чрезвычайно важными, и потому я позволю себѣ остановиться на нихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что юридическія науки, а съ ними вмѣстѣ и философія права, переживаютъ въ настоящее время трудную эпоху. Понятія и положенія, еще не очень давно считавшіяся твердымъ приобретениемъ науки, теперь все чаще и чаще становятся предметомъ критическихъ работъ: все болѣе и болѣе находятъ въ нихъ противорѣчиваго, неяснаго, необоснованнаго. Принципы исторической школы очень мало уже юристовъ принимаютъ теперь безъ всякихъ ограниченій и поправокъ. Ученіе Іеринга пользуется, правда, нѣсколько большимъ признаніемъ, однако и въ немъ открыты кое-какіе пробѣлы. Русская наука въ особенности и съ самаго начала указывала на основной недостатокъ этого ученія—на невозможность опредѣлять понятіе права понятіемъ интереса, а въ послѣднее время

узко-практическое направление этой теории находить себя с каждым днем все больше и больше противников. При таком положении дѣла, когда объ теории, господствовавшей въ 19 столѣтіи, оказываются уже неспособными удовлетворять научное сознание, вполне естественно возникает вопросъ: чѣмъ замѣнить ихъ? А такъ какъ объ эти теории возникли изъ реакціи противъ школы естественнаго права, то, отвергая ихъ, мы—вполнѣ понятно—должны приблизиться къ отвергнутому ими и, въ нѣкоторомъ отношеніи, имъ противоположному естественному праву. Таковъ прямой логическій выводъ. Но чтобы доказать его правильность, нужно сначала разрѣшить два вопроса: 1) дѣйствительно-ли ученіе исторической школы и ученіе Геринга представляются неудовлетворительными въ такой мѣрѣ, что ихъ необходимо оставить? и 2) если даже эти теории и окажутся неудовлетворительными, слѣдуетъ-ли отсюда, что мы должны возвратиться непременно къ естественному праву? Дѣйствительно-ли существуетъ такая дилемма, и нѣтъ-ли какого нибудь третьяго пути?

Если мы обратимся къ современной юридической литературѣ, то увидимъ, что вопросъ объ *абсолютности* научномъ достоинствѣ теорій Савиньи и Геринга, а не только объ ихъ историческомъ значеніи давно уже поставленъ. Много можно было бы указать писателей, которые занимались критикой этихъ теорій въ ихъ цѣломъ, а еще больше такихъ, которые посвятили свои труды изученію отдѣльныхъ вопросовъ, затронутыхъ этими теоріями. Достаточно назвать имена Беккера, Гирке, Агилера, Дана, Бера, Колера, Петроне и Чичерина. Въ результатѣ ихъ общихъ трудовъ оказалось, что историческая школа не удовлетворяетъ болѣе ни позитивистовъ, ни сторонниковъ противоположнаго направленія,—назовемъ его, для краткости, философскимъ. Позитивистовъ историческая школа не удовлетворяетъ, главнымъ образомъ, потому, что въ своемъ изслѣдованіи происхожденія права она опирается на народное сознание: это какая-то вещь въ себѣ, совершенно недоступная нашимъ вѣдѣніямъ чувствамъ, какой-то мнѣе, реальность котораго никогда не можетъ быть доказана. Ссылка на народное сознание не удовлетворяетъ точно также и философовъ. Они находятъ, что Савиньи оставилъ это коренное для его теорій понятіе безъ всякаго анализа; они находятъ вопервыхъ, что народное сознание сводится въ концѣ концовъ къ индивидуальному сознанию, и во вторыхъ, что народное сознание не только производитъ право, но и критикуетъ его. Поэтому оказывается совершенно невыясненнымъ вопросъ объ отношеніи къ народному сознанию законодателя. Долженъ-ли онъ слѣдовать этому сознанию въ силу простой физической необходимости—потому только, что выходъ за пределы народнаго сознания совѣмъ и невозможенъ,—или согласованіе права съ народнымъ сознаниемъ есть лишь норма законодательной дѣятельности? А если народное сознание мы поймемъ, какъ сознание національное, то окажутся совершенно непонятными факты ренессанса иноземнаго права. Такимъ образомъ, историческая школа или не объясняетъ очень многого, или впадаетъ въ оппортунизмъ, оправдывая всякое право и самое понятіе народнаго сознания опредѣляя ретроспективно—съ точки зрѣнія дѣйствующаго права. Таковъ выводъ, къ которому нужно придти, изучая упомянутыхъ мною критиковъ.

Литература о Герингѣ гораздо менѣе обширна, и отношеніе къ нему гораздо менѣе определенное. Критика его ученія, по большей части, отличается какою то расплывчатостью. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что мы очень многому научились у Геринга, какъ замѣчательнаго юриста, собственно юридическое его ученіе въ той или иной мѣрѣ оказало на каждого изъ насъ свою долю вліянія, и

потому къ философской сторонѣ его ученія мы чувствуемъ нѣкоторое почтеніе. Однако, какъ я сказалъ, критика и тутъ кое-что сдѣлала. Она выяснила недостаточность его общихъ философскихъ понятій. Она указала, что опредѣлено недостаточно ясно отношеніе между принципами цѣлесообразности и причинности, которыя составляютъ самую основу его теорій; она установила, что, введя въ опредѣленіе понятія права признакъ принужденія, Герингъ построилъ для себя заколдованный кругъ: принужденія нѣтъ въ сферѣ государственнаго и международнаго права, а на это возраженіе можно отвѣтить не иначе, какъ отрицая за государственнымъ и международнымъ правомъ юридическій характеръ,—но тогда непонятно, почему принужденіе нужно считать существеннымъ признакомъ права. Точно также неудовлетворительно отношеніе Геринга къ обычному праву, ибо въ этомъ вопросѣ онъ, несомнѣнно, смѣшивалъ двѣ совершенно различныя точки зрѣнія: точку зрѣнія теорій и точку зрѣнія политики. Но всего важнѣе, что его теорія не отвѣчаетъ ни на одно изъ тѣхъ возраженій, какія предъявляются ко всякой утилитарной теоріи морали.

Отсюда видно, что въ литературѣ, если не разрѣшенъ, то во всякомъ случаѣ уже давно поставленъ вопросъ о научномъ достоинствѣ теорій Савиньи и Геринга, и въ общемъ, мнѣ кажется, есть наклонность разрѣшать его въ отрицательномъ смыслѣ. Но это только половина вопроса. Если даже предположить, что объ теоріи эти будутъ окончательно отвергнуты, остается еще выяснить, насколько въ каждомъ смыслѣ необходимо и возможно возвратиться отъ этихъ теорій къ теоріи естественнаго права. Вопросъ этотъ составляетъ предметъ моего изслѣдованія. Для меня векорѣ стало ясно, что онъ сводится къ вопросу о достоинствѣ всей критической литературы, направляемой противъ теорій естественнаго права. Изученіе этой литературы привело меня къ выводу, что ни историческая школа, ни все разнообразныя возраженія, какія сдѣланы теоріи естественнаго права, не опровергли этой теоріи; критика ея или покоится на скрытомъ *petitio principii*, или возражаетъ противъ такихъ понятій, которыя вовсе не составляютъ его сущности, или, чаще всего, впадаетъ въ заколдованный кругъ, такъ какъ возводитъ видовые признаки положительнаго права на степень родовыхъ признаковъ общаго понятія о правѣ. Этими выводами, мнѣ кажется, опредѣляются и тѣ принципы, которыми мы должны руководиться въ нашемъ отношеніи къ различнымъ ученіямъ, въ которыхъ на ряду съ положительнымъ правомъ отводится мѣсто и праву естественному. Если все возраженія, направленные противъ школы естественнаго права, оказываются несостоятельными, то критика подобныхъ ученій должна опредѣлять ихъ научную цѣнность, насколько не соображаясь съ тѣми возраженіями, какія въ разное время были сдѣланы школьнѣ естественнаго права, какъ таковой. Понятно, что этотъ выводъ имѣетъ значеніе и для современной философіи права и для исторіи философіи права; ибо ясно, что отбѣнка научнаго достоинства *школы* естественнаго права можетъ быть произведена только послѣ критики отдѣльныхъ ученій, вышедшихъ изъ этой школы. Вотъ сущность вывода моего изслѣдованія—мнѣ кажется, что выводы эти находятся въ нѣкоторой связи съ задачей современной юр. науки.

Но меня могутъ еще спросить, почему же отбѣнку критики естественнаго права я не сдѣлалъ главнымъ предметомъ своей диссертации, и почему на заглавномъ листѣ своей книги я поставилъ имя Гоббеса.

Я сдѣлалъ это потому, что мнѣ кажется ненаучнымъ и не цѣлесообразнымъ, когда изслѣдователю предлагается только новыя точки зрѣнія, а разработку фактовъ съ новооткрытой точки зрѣнія предоставляет дру-

гимъ. Ибо легко придумать новый методъ, трудно провести его. Я счелъ себя обязаннымъ не только выснить достоинства критики естественнаго права, но только сдѣлать тѣ логическіе выводы, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе ея, но и показать на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ, на мой взглядъ, строить критику отдѣльныхъ естественно-правовыхъ ученій, если вся школа естественнаго права будетъ признана неопровергнутой. Я выбралъ именно Гоббеса—потому, что отношеніе къ нему въ литературѣ неопредѣленное: одни считаютъ его приверженцемъ естественнаго права, другіе противникомъ. Поэтому на немъ легче всего и удобнѣе всего провѣрить правильность того или другаго пониманія теорій естественнаго права.

Насколько мнѣ удалось примѣнить къ критикѣ ученія Гоббеса предлагаемый мною методъ исторіи философіи права, и насколько необходимость этого метода логически вытекаетъ изъ отверженія критики естественнаго права,—эти вопросы выяснятся изъ возраженій моихъ оппонентовъ.

Первый официальный оппонентъ проф. Л. И. Петражицкій отозвался съ большою похвалою объ общемъ характерѣ работы диспутанта, но рѣшительно оспаривалъ главныя положенія диссертациі объ ученіи Гоббеса: книга г. Вальденберга представляетъ плодъ большаго серьезнаго и руководимаго исключительно любовью къ научной истинѣ труда. Она свидѣтельствуетъ о критическихъ и диалектическихъ способностяхъ автора, о его обширной и глубокой образованности въ области философіи права и морали, въ особенности о его чуткомъ и сознательномъ отношеніи къ новѣйшимъ идеямъ и теченіямъ въ этой области. Но особенно отрадное впечатлѣніе производитъ въ его книгѣ общее глубокое и принципиальное отношеніе къ высокимъ проблемамъ нашей науки. Въ виду обычнаго теперь къ наукѣ права практическаго опортунизма и матеріализма въ обывденномъ смыслѣ противоположное этому направленіе мышленія автора заслуживаетъ особаго вниманія.

Тѣмъ не менѣе то воззрѣніе на правно-философское ученіе Гоббеса, которое авторъ пытается обосновать въ своей книгѣ, не можетъ быть признано правильнымъ.

Въ первой части диссертациі, содержащей анализъ метода и содержанія изслѣдованія Гоббеса, авторъ въ качествѣ основныхъ положеній, опредѣляющихъ дальнѣйшіе выводы этой части, а равно и содержаніе второй части книги, приводитъ слѣдующія мысли:

1. Методъ изслѣдованія Гоббеса (*methodus investigandi*) слѣдуетъ строго отличать отъ порядка изложенія его ученія и доказательства (*methodus demonstrandi*). Между тѣмъ какъ приемы изложенія и доказательства у Гоббеса состоятъ въ цѣпи дедукцій, методомъ изслѣдованія его на самомъ дѣлѣ является индукція (стр. 12).

2. Въ связи съ этимъ авторъ, во вторыхъ, утверждаетъ, что цѣль и смыслъ системы Гоббеса состоятъ не въ обоснованіи и построеніи системы долгаго (что авторъ ошибочно называетъ гносеологической точкой зрѣнія), а въ объясненіи дѣйствительно существующаго, а именно въ психологическомъ объясненіи права и государства. Именемъ естественнаго закона, по его мнѣнію, Гоббесъ обозначаетъ „лишь мнѣніе людей о правѣ“ (стр. 42), а не право разумное само по себѣ и т. д.

Что касается перваго положенія, то оппонентъ прежде всего отмѣтилъ ошибки, вкравшіяся въ его формулировку въ диссертациі и приложенныхъ къ ней тезисахъ. Если бы дѣйствительный ходъ мыслей Гоббеса былъ таковъ, какимъ его себѣ представляетъ авторъ (стр. 252, 253), то онъ бы все таки не былъ индуктивнымъ методомъ. Это былъ бы тотъ порядокъ мыслей, который новые логики называютъ редукціей (опредѣленіе по заключеніямъ и даннымъ

посылками дальнѣйшихъ посылокъ). Ошибочно также отождествляетъ авторъ дедуктивный методъ съ „геометрическимъ“ и полагаетъ, что Милль выступаетъ противъ примѣненія дедуктивнаго метода и въ пользу индуктивнаго въ области общественныхъ наукъ. Совѣмъ наоборотъ, Милль рѣшительно отвергаетъ индукцію, какъ методъ изслѣдованія общественныхъ явленій и защищаетъ дедукцію, но спорить противъ т. н. геометрическаго метода. Авторъ, вѣроятно, принявъ полемику Милля противъ „геометрическаго метода“ за полемику противъ дедукціи вообще. (Ср. Милль, *Логика* кн. VI тл. 7 и 8).

Но и послѣ надлежащихъ исправленій положеніе автора о методѣ изслѣдованія Гоббеса не можетъ быть принято. Косвенные доводы автора на стр. 15 покоятся на недоразумѣніяхъ (порядокъ изученія наукъ отождествленъ авторомъ съ порядкомъ творческой дѣятельности, который, къ тому же, какъ видно изъ *praefatio* къ трактату *de cive*, былъ иной, нежели полагаетъ авторъ, судя по времени изданія сочиненій Гоббеса; опытное обоснованіе теорій, вопреки мнѣнію автора на стр. 15, вполне соединимо и фактически соединяется у Гоббеса съ дедуктивнымъ методомъ (главную посылку для своихъ дедукцій, положеніе объ эгоистической природѣ людей, Гоббесъ основываетъ на опытѣ). Ссылка автора на замѣчаніе Гоббеса о методѣ въ *praefatio* покоится на ошибочномъ толкованіи текста. Гоббесъ здѣсь именно подтверждаетъ и обосновываетъ примѣненіе дедуктивнаго метода, указывая, что онъ ему слѣдовалъ не только ради наглядности изложенія, а въ дѣйствіе необходимости исходить изъ простѣйшихъ элементовъ (*materia*) сложнаго дѣлаго. Дарбе, въ той же *praefatio ad lectores*, Гоббесъ конспектируетъ ходъ мыслей своего трактата въ порядкѣ дѣйствительнаго изложенія и заключаетъ этотъ обзоръ словами: „*Methodum vidistis; causam jam et consilium accipitote*“. Таковъ мой методъ!

Какъ видно изъ этой цитаты Гоббесъ указываетъ въ *praefatio ad lectores* и *causam et consilium scribendi*, смыслъ и цѣль своей системы. Относящіяся сюда сообщенія и поясненія Гоббеса говорятъ противъ второй главной мысли диспутанта, а именно противъ того положенія, будто цѣлью Гоббеса является психологическое объясненіе существующаго. Напротивъ, Гоббесъ настаиваетъ на томъ, что цѣль его системы политическая (не теоретическая), онъ желаетъ показать не какъ люди ведутъ себя въ государствахъ и какимъ идеямъ они слѣдуютъ, а какъ слѣдуетъ относиться къ госуд. дѣламъ. Въ пользу этого говорить и все содержаніе его системы, въ томъ числѣ и *Cap. II § 1*, а равно и примѣчаніе къ нему, гдѣ рѣчь идетъ о *ratiocinatio vera* и т. д. Этою точкою зрѣнія Гоббеса объясняется и признаніе излагаемаго имъ естественнаго права вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Въ противномъ случаѣ (если бы, какъ полагаетъ диспутантъ, Гоббесъ подѣ естественнымъ правомъ разумѣлъ фактическія мысли людей) это положеніе было бы не только неослѣдовательнымъ, но и нелѣпымъ со стороны Гоббеса. Этимъ же объясняется и методъ гоббесовой философіи „*ex veris principiis evidenti nexu derivatae*“ (*praefatio*) и т. д.

Ошибочное воззрѣніе на основной смыслъ системы Гоббеса вредитъ естественно автору и въ области толкованія отдѣльныхъ звеньевъ этой системы. Сюда, напр., относится логическій скачекъ на стр. 29 отъ негодности *jus naturale in statu mere naturali* къ достиженію мира къ отсутствію этого права. Подобное же утвержденіе автора относительно *lex naturalis* на стр. 41 покоится на неразличеніи *lex* въ смыслѣ нормы вообще и *lex* въ смыслѣ законодательнаго акта (изреченій изв. лицъ), особаго источника *позитивнаго* права.

Съ признаніемъ ошибочности указанныхъ основныхъ положеній первой части книги сами собою падаютъ и связанныя съ ними положенія второй части, посвященной оцѣнкѣ метода и ученія Гоб-

беса, какъ ихъ авторъ истолковалъ въ первой части.

Остаются неразрушенными, во первыхъ, разныя частныя положенія предлагаемыхъ диспутантомъ анализа и оцѣнки ученія Гоббеса, не зависящія отъ указанныхъ выше главныхъ тезисовъ. Во вторыхъ сохраняютъ цѣдность собственные общіе взгляды и разсужденія автора диссертации по разнымъ вопросамъ философіи права и морали и методологии этихъ наукъ. Въ этихъ областяхъ въ книгѣ Вальденберга содержится много цѣнныхъ и интересныхъ мыслей, къ которымъ оппонентъ считаетъ возможнымъ вполне присоединиться.

Съ другой стороны, въ согласіи диспутанта съ теоріей права, какъ интуитивныхъ и положительныхъ императивно-атрибутивныхъ нормъ (стр. 223, 224, 238 и др.), оппонентъ видитъ компетентную поддержку этой защищаемой имъ теоріи.

Вполнѣ сохраняеть свою цѣдность, наконецъ, эссекурсъ о критикѣ школы естественнаго права. Критика этой критики представляетъ важную положительную заслугу автора.

Вообще, несмотря на рѣшительное несогласіе со взглядами диспутанта на ученіе Гоббеса, оппонентъ признаеть его диссертацию весьма хорошей и цѣнной монографіей и считаетъ долгомъ, въ заключеніе, еще разъ выразить полное свое уваженіе къ ней и ея автору.

Второй официальный оппонентъ, проф. И. А. Ивановскій началъ свои возраженія съ замѣчанія, что къ весьма полному и основательному разбору диссертации г. Вальденберга, сдѣланному уважаемымъ коллегой проф. Л. І. Петражицкимъ, остается добавить немного. Тѣ достоинства книги г. В., на которыя указалъ проф. Петражицкій и которыя призналъ и проф. Ивановскій, дали основаніе юридическому факультету допустить ея автору къ публичной ея защитѣ для полученія степени магистра государственнаго права. Въ своей оцѣнкѣ работы диспутанта проф. Ивановскій остановился прежде всего на постановкѣ задачи изслѣдованія и ея выполнении и затѣмъ перешелъ къ критикѣ отдѣльных положеній. По мнѣнію оппонента, г. Вальденбергъ правильно поставилъ задачу своей работы, именно, — въ виду возобновившагося въ литературѣ интереса къ ученіямъ школы естественнаго права, — рассмотреть ученіе одного изъ корифеевъ этой школы, Гоббеса, о законѣ и правѣ, чтобы такимъ образомъ постепенно подготовить надлежащую почву для оцѣнки значенія всей школы. Но въ то-же самое время авторъ и чрезвычайно сузилъ свою задачу, остановившись въ ученіи Гоббеса только на его возрѣніяхъ на законъ и право и оставивъ въ сторонѣ его взгляды на цѣль государства, его происхождение, на государственную власть, формы государственнаго устройства, положеніе подданныхъ въ государствѣ и т. п., что весьма важно какъ для полной оцѣнки значенія Гоббеса, такъ и школы естественнаго права вообще.

Для уясненія узкоотмеженной сферы вопросовъ г. Вальденбергъ обратился къ тщательному изученію сочиненій Гоббеса и обширной литературы о немъ и выполнилъ этотъ трудъ съ полною добросовѣстностью. Излагая мысли Гоббеса, диспутантъ постоянно старается быть объективнымъ, вѣрными ихъ истолкователемъ и обнаруживаетъ при этомъ серьезныя дарованія къ овлаченному мышленію. Въ этомъ заключаются главныя достоинства его труда. Рядомъ съ отмѣченными положительными сторонами книги бросаются въ глаза и ея слабыя стороны. Недостатки выполненія поставленной авторомъ задачи заключаются въ слѣдующемъ.

Во первыхъ, довольно большой матеріалъ, собранный диспутантомъ, остался непереработаннымъ, особенно во второй критической части. Здѣсь излагается добросовѣстно цѣлый рядъ мнѣній разныхъ писателей о Гоббесѣ, начиная съ Кумбер-

ленда и заканчивая новѣйшими изслѣдователями, какъ Юдль, Куно-Фишеръ, Вундтъ, Колльберсъ, Луисъ, Люнъ, Мессеръ и др.

Но мнѣнія эти приводятся безъ всякой критической ихъ оцѣнки и ими г. Вальденбергъ совершенно не пользуется при своемъ критическомъ разборѣ ученія Гоббеса. Такимъ образомъ весь этотъ матеріалъ оказался введеннымъ въ книгу чисто механически и на общіе выводы автора, повидимому, не оказалъ вліянія. Во вторыхъ, авторъ не сумѣлъ избѣжать повтореній съ своей книгѣ. Дѣйствительно параграфы I и II говорятъ о методологии Гоббеса — первый посвященъ догматическому, а послѣдній критическому ея уясненію, но первый заключаетъ въ себѣ и критику, а второй сверхъ критики повторяетъ и догматическое изложеніе.

Въ третьихъ, правильная, исходная точка зрѣнія на задачу изслѣдованія не проведена послѣдовательно въ книгѣ. На стр. 217 своей диссертации г. Вальденбергъ заявляетъ: „путемъ самостоятельной критики каждой отдѣльной теоріи, независимо отъ критики сходственныхъ теоріи, исторія философіи должна подготовить почву для оцѣнки научнаго достоинства цѣлой школы естественнаго права“. „Таковъ единственно правильный методъ историко-философскаго изслѣдованія. Этого метода намъ чуждо держаться и по отношенію къ Гоббесу“. Съ этимъ, разумѣется, вполне можно согласиться. Но тутъ же совершенно неожиданно и въ разрѣзъ съ только что выставленнымъ положеніемъ авторъ продолжаетъ: „На основаніи сдѣланнаго раньше анализа намъ нужно произвести научную оцѣнку его (Гоббеса) ученія о правѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ вопросъ, принадлежитъ-ли это ученіе къ школѣ естественнаго права“. Но какъ же тогда готовится путь для критики школы естественнаго права? Это внутреннее и очевидное самопротиворѣчіе сводить, собственно говоря, на нѣтъ самое исполненіе задачи автора.

Въ четвертыхъ, параграфъ 9 „критика естественнаго права“, вѣрнѣе критика критики естественнаго права крайне не полна и преждевременна, а потому и совершенно излишня. Она не полна потому, что тутъ нѣтъ выясненія объекта критики, не указаны различныя оттѣнки въ отдѣльныхъ ученіяхъ школы естественнаго права и сдѣланъ критической анализъ, правда весьма удачный, критики школы естественнаго права лишь нѣсколькихъ писателей — Штала, Бергбома (особенно удачно) и Коркунова. Преждевремененъ же этотъ параграфъ, потому что исхода изъ вѣрной основной точки зрѣнія автора, основательная критика школы естественнаго права возможно будетъ лишь тогда, когда путемъ анализа ученій отдѣльныхъ писателей будетъ для этого подготовлена надлежащая почва, чего нѣтъ въ настоящее время.

Въ пятыхъ, отдѣльныя положенія диссертации г. Вальденберга вызываютъ возраженія. Такъ въ 10 положеніи г. Вальденбергъ говоритъ слѣдующее. „Основаніе обязательности закона, по ученію Гоббеса, заключается въ договорѣ. Въ виду того, что вопросъ этотъ теоретически неразрѣшимъ, такой отвѣтъ на него представляется въ значительной степени удовлетворительнымъ“. Этотъ тезисъ прежде всего совершенно противорѣчитъ тому, что находимъ у автора на 83 стр. его книги, гдѣ онъ говоритъ, что „безншіе договорной теоріи кажется тутъ (т. е. въ обоснованіи обязательности закона на договорѣ) вполне очевиднымъ“. Затѣмъ представляется совершенно непонятнымъ, какъ на неразрѣшимый вопросъ можно дать „въ значительной степени удовлетворительный отвѣтъ“. И сверхъ того напрасно думать, что вопросъ объ основаніи обязательности закона — неразрѣшимъ. Слѣдуетъ только обратиться для сего разрѣшенія къ уясненію основаній обязанности повиновенія государственной власти.

Наконецъ, въ шестыхъ, общая оцѣнка ученія Гоббеса о правѣ и законѣ не представлена въ формѣ общаго итога, который исчерпалъ бы всѣ стороны этого ученія и облегчилъ бы опредѣлить, такъ сказать, удѣльный его вѣсъ въ ряду теорій школы естественнаго права и далъ бы матеріалъ для оцѣнки самой этой школы.

Диспутантъ давалъ съ своей стороны объясненія на сдѣланныя проф. Ивановскимъ замѣчанія по поводу его книги. Проф. Ивановскій въ заключение повторилъ свой общій благоприятный отзывъ о книгѣ Вальденберга и пожелалъ ему дальнѣйшихъ научныхъ успѣховъ.

Послѣ возраженій диспутанта деканъ объявилъ, что всѣ присутствующіе члены факультета признаютъ защиту удовлетворительной, но что въ виду ихъ малочисленности (всего присутствовало 4 проф.) вопросъ объ удостоеніи г. Вальденберга степени магистра долженъ быть отложенъ разрѣшеніемъ. Какъ мы слышали, въ послѣднемъ засѣданіи факультета вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно.

Библиографія.

Н. Д. Кавелинъ, собраніе сочиненій, т. IV, СПб., 1900.

Недавно вышедшій послѣдній томъ собранія сочиненій Кавелина представляетъ едва ли не наибольшій юридическій интересъ по сравненію съ предшествовавшими томами. Здѣсь выразились правовые взгляды автора, та собственная его философія права, которая должна была выработаться у столь крупнаго изслѣдователя, какъ бы ни были спеціальны отдѣльныя темы, которымъ посвящались его работы. Кавелинъ былъ, какъ извѣстно, противникомъ раздѣленія права на публичное и частное, какъ оно выразилось въ современныхъ законодательствахъ и въ наукѣ. По мнѣнію Кавелина, современные гражданскіе кодексы содержатъ въ себѣ не все то, что составляетъ истинное содержаніе гражданского права, а съ другой стороны они регулируютъ рядъ отношеній, всецѣло относящихся къ праву публичному. Для обоснованія своей мысли Кавелинъ анализируетъ тѣ и другія отношенія. Имущественныя права образуютъ одну изъ существенныхъ и значительнѣйшихъ составныхъ частей гражданского права. Характеристическій ихъ признакъ заключается въ томъ, что они обязательны не для одного или нѣсколькихъ лицъ, а для всѣхъ и для каждаго. Но общезначительность имущественныхъ правъ придаетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ публичный характеръ. Не говоря уже о переходѣ недвижимой собственности изъ однихъ рукъ въ другія, который повсюду имѣетъ публичный характеръ, такой характеръ имѣетъ пользование рѣками, дорогами, улицами и т. п.

Семейныя отношенія со всѣми принадлежащими къ нимъ личными имущественными и изъ обязательствъ вытекающими правами и обязанностями тоже причисляются къ гражданскому праву и составляютъ въ немъ особый отдѣлъ. Но не смотря на свой частный характеръ, отношенія эти по своей особенной важности и послѣдствіямъ относятся къ числу значительнѣйшихъ публичныхъ интересовъ. Чтобы вполнѣ въ этомъ убедиться, стоитъ только припомнить, съ какою заботливостью законодательство опредѣляетъ условія заключенія и расторженія брака, взаимныя, личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей, даже членовъ родственнаго союза между собою, установленіе и прекращеніе опеки и попечительства и возникающія изъ нихъ юридическія отношенія.

Едва ли можно указать на другую часть гражданского права, гдѣ бы произволу и личному

усмотрѣнію частныхъ лицъ предоставлено было менѣ простора, чѣмъ въ правѣ семейномъ. Въ семейныхъ какъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ невозможно разграничить частное отъ публичнаго, такъ какъ оба элемента въ нихъ слиты. Наслѣдованіе по завѣщанію имѣетъ бесспорно частный характеръ. Но произволъ завѣщателя ограничивается законодательствами и въ этомъ сказывается публичный характеръ наслѣдованія. Еще рѣже обнаруживается онъ въ наслѣдованіи по закону. Что можетъ быть наконецъ болѣе приватнаго, нежели обязательства, именно контракты и договоры? Но и они имѣютъ свою публичную сторону. Для определенныхъ контрактовъ предписаны публичныя формы. Операнія важнѣйшихъ акціонерныхъ компаній желѣзнодорожныхъ и др. имѣютъ публичное значеніе. „И такъ, говоритъ Кавелинъ, внимательно пересмотрѣвъ всѣ части гражданского права, нельзя найти ни одной, въ которой бы шла рѣчь исключительно объ одномъ частномъ, приватномъ; въ каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значенію, влиянію, роли имѣетъ публичный общественный интересъ, касается болѣе или менѣ общества, государства. Показано, гдѣ въ нихъ оканчивается частное, приватное и начинается общественное, публично основаніи лишь его значенія, роли, влиянія, нѣтъ никакой возможности. Именно потому, что частное, приватное сливается въ этомъ смыслѣ съ общественнымъ публичнымъ нельзя на ихъ различіи основать различіе гражданского и публичнаго права.“ Съ другой стороны, есть цѣлый рядъ отношеній, относимыхъ къ праву публичному, въ дѣйствительности же имѣющихъ чисто гражданскій характеръ. Сюда относятся прежде всего отношенія, вытекающія изъ государственной службы. Куда ихъ отнести — къ государственному или гражданскому праву? Одни хотѣли-бы причислить отношенія между правительствомъ и чиновниками по поводу службы къ частнымъ, приватнымъ, другіе — къ публичнымъ, государственнымъ; но ни тѣ, ни другіе не различаютъ этихъ отношеній отъ служебныхъ обязанностей чиновника. Вслѣдствіе этой коренной ошибки тѣ и другіе приходятъ къ невозможнымъ результатамъ; первые приравниваютъ государственную служебную дѣятельность къ частной службѣ, что очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; вторые переносятъ обязательныя отношенія между правительствомъ и частными лицами по поводу службы въ сферу государственнаго права, несмотря на то, что эти отношенія, видимымъ образомъ, имѣютъ частный, гражданскій характеръ. По мнѣнію Кавелина служебная дѣятельность сама по себѣ имѣетъ публичный характеръ; отношенія, возникающія собственно по службѣ во имя и въ силу служебной дѣятельности, имѣютъ точно такой же характеръ; общіе законы государственной службы, какъ всѣ законы, въ особенности же правила, относящіяся къ публичной дѣятельности, равнымъ образомъ имѣютъ публичный характеръ. Но отношенія между правительствомъ и чиновникомъ, въ силу которыхъ послѣдній находится на службѣ, не суть публичныя, государственныя, а частныя, приватныя, такъ какъ чиновникъ есть приватное лицо, добровольно принимающее на себя передъ правительствомъ извѣстныя обязанности, на извѣстныхъ условіяхъ изъ побужденій, которыя, какія бы они ни были, все таки какъ побужденія частнаго человѣка, суть частныя, приватныя. Оставляя добровольно службу, чиновникъ дѣйствуетъ по такимъ же побужденіямъ. Правительство, съ своей стороны, не безразлично принимаетъ на службу всякаго, кто имѣетъ требуемыя закономъ условія, но выбираетъ въ нее людей, заслуживающихъ его довѣрія по своимъ личнымъ качествамъ. „Говоря объ отношеніяхъ, возникающихъ между правительствомъ и частными лицами по налогамъ и повинностямъ, Кавелинъ находитъ, что отношенія эти

имѣютъ двойственное значеніе: одной стороною они обращены къ государству, другой къ частнымъ лицамъ. Обложеніе налогами имѣетъ публичный характеръ. Такой же характеръ имѣетъ оно и по формѣ, въ которой совершается, потому что исходить отъ правительства какъ общая мѣра, обязательная для всѣхъ, къ кому относится. Но налоги и повинности, при отправленіи ихъ добровольномъ или принудительномъ, въ примѣненіи къ частнымъ лицамъ по одиночкѣ обращаются въ частныя, приватныя обязательства; этой стороною они принадлежатъ къ гражданскому праву, ибо обязанность частнаго лица уплатить, сработать что нибудь или сдѣлать въ пользу частнаго же лица, или въ пользу государства, по существу своему, есть гражданская.

Кавелинъ останавливается далѣе на вопросѣ объ юридическомъ характерѣ обязанности государства возмѣстить вредъ, причиненный должностными его лицами. Какъ считать такія отношенія между правительствомъ и частнымъ лицомъ по вознагражденію убытковъ — публичными или частными? Кавелинъ относитъ ихъ къ гражданскому праву. „Если всякое обязательство, говоритъ онъ, заключаемое частнымъ лицомъ съ правительствомъ, имѣетъ приватный характеръ; если все отношеніе правительства съ частными лицами по завѣдыванію и управленію государственными имуществами ставятъ его въ этомъ отношеніи въ разрядъ частныхъ лицъ и эти отношенія получаютъ частный характеръ, а государственныя имущества — характеръ частныхъ, приватныхъ имуществъ, то мы не видимъ причины, почему имущественныя правонарушенія, насколько они касаются частныхъ лицъ, имѣли бы публичный, а не частный приватный характеръ? Намъ скажутъ, что лицо, нарушающее частныя матеріальныя интересы обложено въ этомъ случаѣ въ officialный характеръ и дѣйствуетъ именемъ правительства. Правда, но это также мало можетъ служить основаніемъ для отнесенія самого нарушенія и его юридическихъ послѣдствій къ публичному праву, какъ officialный характеръ чиновника или присутственнаго мѣста, заключающаго съ частнымъ лицомъ именемъ правительства, контрактъ о подрядѣ или поставкѣ, не уполномочиваетъ насъ относить такой контрактъ вмѣсто частнаго, гражданского къ публичному, государственному праву“. Въ виду приведенныхъ соображеній Кавелинъ приходитъ къ заключенію, что весь разрядъ семейныхъ отношеній долженъ быть выключенъ изъ гражданского права, потому что не имѣетъ ничего общаго ни съ вещными правами, ни съ правами по обязательствамъ, ни съ юридическими отношеніями, возникающими изъ наслѣдованія. Съ другой стороны въ кругъ гражданского права должны войти сверхъ отношеній государства съ частными лицами по имущественнымъ правамъ, сверхъ заключаемыхъ между государствомъ и частными лицами контрактовъ и договоровъ, сверхъ обязательствъ, взаимно между ними возникающихъ изъ нанесенія ущерба и убытковъ — еще и юридическія отношенія, возникающія по взысканію податей и денежныхъ повинностей, по отправленію вещественныхъ и личныя натуральныхъ повинностей; взаимныя имущественныя и денежныя претензіи правительства или частныхъ лицъ съ одной стороны, чиновниковъ — съ другой, возникающія по поводу отправленія послѣдними служебныхъ обязанностей; всякаго рода денежныя и имущественныя сдѣлки и расчеты между правительственными учрежденіями и должностными лицами съ одной стороны, частными лицами — съ другой, по дѣламъ и надобностямъ службы; взысканіе пошлинъ, акцизовъ, штрафовъ, пеней и вообще всякаго рода сборовъ, какіе бы они ни были. Взгляды Кавелина встрѣтили въ свое время возраженія. Указывалось на то, что Кавелинъ соединяетъ разнородныя отношенія и что признакомъ различія отношеній публичнаго

и частнаго права служить способъ ихъ защиты. Способъ разбирательства спорныхъ дѣлъ говорить по этому поводу Кавелинъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить критеріемъ для той или другой классификаціи имущественныхъ юридическихъ отношеній; это признакъ колеблющійся, измѣняемый по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ существомъ имущественныхъ отношеній. Контракты между казною и частными лицами рассматриваются теперь судебнымъ порядкомъ, а до введенія судебныхъ уставовъ 1864 года разбирались порядкомъ административнымъ. Въ Англии неправомерности и злоупотребленія по взиманію податей и сборовъ обжаловываются въ судъ, а у насъ нѣтъ. Слѣдуетъ ли отнести обязательство, возникающія изъ пересылки писемъ и посылокъ по почтѣ или изъ отправки телеграммъ, къ числу отношеній по государственному праву, потому что у насъ дѣла о нихъ рассматриваются административнымъ порядкомъ? Въ Северо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ почта есть предпріятіе частное. Далѣе, неужели слѣдуетъ исключить изъ свода гражданскихъ законовъ нѣкоторыя юридическія отношенія потому только, что есть губерніи, гдѣ до сихъ поръ споры, изъ нихъ возникающіе, разбираются административнымъ порядкомъ, полиціей?

По приведеннымъ выдержкамъ читатель можетъ судить о томъ, какой глубокой интересъ возбуждаютъ юридическія работы покойнаго Кавелина. Нѣкоторыя изъ нихъ касаются животрепещущихъ вопросовъ, какъ напр., статьи, посвященныя русскому гражданскому уложенію. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на ихъ содержаніи, мы не можемъ въ заключеніе не упомянуть однако о впервые напечатанной запискѣ Кавелина о различіи законовъ и постановленій, которая составлена была въ 1862 году по просьбѣ гр. Д. А. Милюткина по поводу возникшаго тогда вопроса о переработкѣ свода законовъ и постановленій, послѣ выдѣленіемъ изъ нихъ того, что не составляетъ закона въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Европѣ различіе закона и постановленія вытекаетъ, по мнѣнію Кавелина, изъ различія властей и потому возводится къ различію источниковъ права. Все, что постановляетъ власть законодательная, есть законъ; все, что предписывается исполнительной властью, есть постановленіе. Последнее не можетъ отмѣнять закона, но законодательная власть всегда можетъ въ слѣдствіе тѣхъ или другихъ потребностей, нуждъ, соображеній и т. п. придать силу закону тому, что дотолъ было административною мѣрою. Чтобы различіе общихъ правилъ, предписываемыхъ къ исполненію, на законы и постановленія могло и у насъ имѣть твердое практическое основаніе, столько же очевидное для всѣхъ, какъ въ Европѣ, необходимо отыскать у насъ такое же твердое различіе источниковъ права, согласное съ нашимъ бытомъ и выработавшейся исторіею. Отыскать это начало не трудно. У насъ всѣ власти: законодательная, административная и судебная, сосредоточены въ самодержавной власти монарха, который удѣляетъ ее, въ большей или меньшей мѣрѣ, тѣмъ органамъ, посредствомъ которыхъ дѣйствуетъ на государство. Всѣ общія правила, изданныя или одобренныя государемъ, будутъ законами; всѣ общія правила, изданныя или одобренныя органами верховной власти будутъ распоряженіями, постановленіями, инструкціями, — словомъ не законами. Какимъ же образомъ отдѣлить въ дѣйствующемъ нынѣ сводѣ военныхъ постановленій законы отъ постановленій, гдѣ они являются смѣшанными? Кавелинъ не далъ однако на это отвѣта, предоставивъ разрѣшеніе вопроса комиссіи и министру. При пересмотрѣ каждой статьи, говоритъ онъ, должно будетъ обсуждать, принадлежитъ ли она къ разряду тѣхъ, которыя могутъ быть измѣняемы и дополняемы только высочайшею властью, или измѣненіе и дополненіе ея

принадлежит власти министра Эти соображения свои по мѣрѣ хода кодификационныхъ работъ, комиссия представляетъ министру и по его резолюціямъ отдѣляетъ статьи, которыя слѣдуетъ внести въ кодексъ, отъ статей, должностныхъ войти въ составъ сборника постановлений“.

Таковы существенные изъ вопросовъ права, надъ которыми думалъ и о которыхъ писалъ покойный Кавелинъ. Оригинальность мысли, отчетливость аргументаціи, опирающейся на анализъ конкретныхъ отношеній, наглядность изложения, иллюстрируемаго отнюдь не школьнаго свойства примѣрами, наконецъ мастерство безыскусственного въ своей простотѣ стилия—вотъ что отличаетъ произведенія Кавелина, сообщающія имъ выдающійся интересъ и непреодолимую увлекательность. Тѣмъ не менѣе юридическія изслѣдованія Кавелина остались какъ бы незаконченными. По нимъ можно лишь судить о томъ, что сдѣлалъ бы Кавелинъ въ наукѣ права, если бы жизнь его сложилась иначе, если бы она не выбила его изъ научной колеи.. Къ тому же глубина и законченность научныхъ изслѣдованій зависятъ не отъ однихъ только качествъ писателя, но и отъ той умственной атмосферы, въ которой ему приходится работать. Тамъ, гдѣ общій научный уровень низокъ, экстенсивность знанія будетъ всегда предпочитаться его интенсивности. Разносторонность Кавелина и связанная съ этимъ разбросанность его умственныхъ интересовъ обуславливались не только свойствами его пытливаго ума и измѣнчивыми условиями его личной жизни, но и характеромъ среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ покойный Кавелинъ. Время его не было благоприятно для специализаціи. При другихъ условіяхъ Кавелинъ съ его оригинальнымъ умомъ несомнѣнно создалъ бы въ наукѣ школу, и то огромное влияние крупной личности, которое онъ оказывалъ на всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, не прекратилось бы съ его смертью.

М. Горенбергъ.

СУДЕБНАЯ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

Первое общее собраніе Прав. Сената.

(Предоставленіе усыновленнымъ отчества усыновителей).

Определеніе 29 мая 1898 г. (17 декабря 1899 г.).

Первое Общее Собраніе Сената находитъ, что законъ (ст. 152 Т. X ч. I Зак. Гражд. по прод. 1891 г.), разрѣшая передачу усыновленнымъ фамилій усыновителей, по отношенію къ которымъ усыновленные вступаютъ (ст. 156—I) во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей, указанныя въ ст. ст. 164—195 Зак. Гражд., даетъ основаніе признавать за усыновителями право на передачу, въ установленномъ закономъ порядкѣ, также и отчество ихъ имени, независимо отъ того, является-ли усыновляемый лицомъ незаконно или законнорожденнымъ. При отсутствіи въ законѣ прямого запрещенія на упомянутую передачу едва-ли возможно стѣснять желаніе усыновителя и усыновляемаго закрѣпить установленныя между ними отношенія перемѣною отчества послѣдняго по имени усыновителя. По сущности своей усыновленіе, стремясь восполнить усыновителю отсутствіе нисходящаго потомства и тѣмъ предоставить каждому возможность удовлетворить, глубоко лежащую въ природѣ человѣка, потребность въ проявленіи родительской привязанности, имѣть цѣлью создать отношенія, вполне сходныя съ родительскими, вслѣдствіе чего, какъ указано было выше, послѣдствіемъ усыновленія является по закону вступленіе усыновляемаго во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей усыновителя, указанныя въ

вышеупомянутыхъ статьяхъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что самый актъ усыновленія лежитъ глубоко въ духѣ русскаго народа и происхожденіе его относится къ отдаленной старинѣ. Первоначальное усыновленіе прямо называлось принятіемъ „въ сына мѣсто“ и даже до опредѣленія его гражданскимъ закономъ осуществлялось путемъ особаго церковнаго обряда, называвшагося сыновтвореніемъ (см. Владимірскій Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права Т. 2 стр. 137). Проникавшее отсюда присвоеніе усыновляемому значенія какъ-бы роднаго сына усыновителя должно было естественно выражаться, согласно существующему обычаю, наименованіемъ усыновляемаго по отчеству, согласно имени усыновителя. Установленіе официальной регистраціи не должно служить этому препятствіемъ, Метрическія свидѣтельства отнюдь не имѣютъ цѣлью закрѣпить именованіе по отчеству крещенаго въ обрядахъ церкви. Они установлены для удостовѣренія происхожденія помянутыхъ въ немъ лицъ отъ законнаго брака или внѣ онаго, указывая въ первомъ случаѣ родителей рожденнаго, а во второмъ его мать, и того, что надъ рожденнымъ совершено Таинство Крещенія. Само собою разумѣется, что нареченное крещеному и означенное въ метрическомъ свидѣтельствѣ личное имя, тѣсно связанное съ самимъ Таинствомъ, признается неизмѣнимымъ и притомъ даже въ случаяхъ, когда нареченіе произошло съ ошибкой противъ имени, избраннаго для младенца родителями, или если бы младенецъ окрещенъ былъ безъ вѣдома послѣднихъ. Но того же самого нельзя утверждать ни по отношенію къ отчеству, ни по отношенію къ фамилии крещенаго, хотя бы таковыя были обозначены въ метрическомъ свидѣтельствѣ. Фамилія, являющаяся собственно гражданскимъ наименованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть измѣняема въ установленномъ порядкѣ. Относительно усыновленія это выражено въ ст. 152 Т. X ч. I Св. Зак. Гражд., согласно которой усыновитель можетъ передать усыновленному свою фамилію въ указанныхъ законѣмъ предѣлахъ. Что-же касается именованія по отчеству, то нельзя не замѣтить, что такое не имѣетъ въ сущности никакихъ основаній въ дѣйствующемъ законѣ, который видѣ не устанавливаетъ ни обязанности подобнаго именованія, ни порядка его регистраціи или укрѣпленія и, если упоминаетъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ объ отчествѣ, то лишь какъ о существующемъ, а не обязательномъ фактѣ. Очевидно, что именованіе это во всѣхъ классахъ общества, въ отношеніи лицъ какъ законно, такъ и незаконнорожденныхъ опирается главнымъ образомъ на обычай, сохранившемся до нынѣ въ русскомъ народѣ и среди нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и неизвѣстномъ другимъ національностямъ. Тѣмъ менѣе представляется основаній настаивать на неизмѣнимости отчества при усыновленіи, такъ какъ этому вовсе не противорѣчитъ народный обычай, на которомъ основывается именованіе по отчеству. Утверждать противное значило-бы подрывать въ корнѣ общественное значеніе акта усыновленія и ставить усыновляемаго въ положеніе, при которомъ онъ подвергался-бы ежeminутно напоминанію о томъ, что въ новой своей семьѣ онъ является не сыномъ, а чужимъ ей пришельцемъ. Если-же въ законѣ не содержится особыхъ постановленій объ измѣненіи отчества при усыновленіи, подобно тому, какъ это выражено въ вышеупомянутой 152 ст., относительно измѣненія фамиліи, то обстоятельство это очевидно объясняется тѣмъ, что преподаваніе по сему предмету особыхъ указаній признавалось излишнимъ за отсутствіемъ вообще постановленій о порядкѣ именованія по отчеству, которое, опираясь преимущественно на существующій обычай, естественно должно остаться и здѣсь внѣ опредѣленія закона. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что отношенія, устанавливаемая актомъ усыновленія, касаются

только семьи усыновителя, не распространяясь на других его родственников. Если тѣмъ не менѣе законъ предоставилъ усыновителю право передать усыновленному даже фамилию (ст. 152), т. е. имя рода, то отсюда уже слѣдуетъ заключить, что законодатель не могъ никоимъ образомъ имѣть въ виду возобранить одновременную передачу менѣе важнаго, чѣмъ фамилія, но болѣе связующаго его съ личностью усыновляемаго, признака отчества по своему имени. Наконецъ нельзя не остановиться и на томъ, что въ низшихъ классахъ населенія значеніе фамильнаго имени до сихъ поръ еще мало проникло въ бытъ народа, совпадая нерѣдко съ понятіемъ личнаго прозвища. Среди нашего простонародья господствуетъ до сихъ поръ наименованіе по отчеству и, какъ видно на практикѣ, между лицами этой среды, даже рожденными въ законномъ бракѣ, встрѣчается много такихъ, которые не имѣютъ фамиліи и въ такомъ случаѣ носятъ ихъ по отчеству (см. указъ Сената 30 іюня 1888 г. за № 8145, Собр. Узк. и расп. Прав. 1888 г. № 79). Если при такомъ значеніи именованія по отчеству запретить передачу онаго при усыновленіи, то этимъ будетъ, вопреки обычаю, прегражденъ путь къ закрѣпленію въ народѣ личной связи между усыновителемъ и усыновляемымъ, которая можетъ, главнымъ образомъ, проявиться въ названіи послѣдняго по отчеству именемъ усыновителя. Въ виду изложеннаго Первое Общее Сената Собраніе опредѣляетъ: разъяснить, что при усыновленіи крестьянами и мѣщанами, усыновитель имѣетъ право требовать, чтобы путемъ регистраціи въ актѣ усыновленія за усыновляемымъ закрѣплено было отчество по его, усыновителя, имени. Что же касается до учрежденій, на обязанность которыхъ должно быть отнесено укрѣпленіе за лицами усыновляемыми крестьянами и мѣщанами новыхъ, по имени усыновителей, отчество, то таковыми должны являться Казенныя Палаты, къ предметамъ вѣдѣнія коихъ относится приписка къ податнымъ и купеческимъ обществамъ. (Указъ 22 мая 1900 г.).

Гражд. касс. д-тъ 5 отдѣленіе.

Иностранцы могутъ наследовать по германскимъ законамъ въ имущество, оставшееся послѣ смерти германскаго подданнаго лишь тогда, если за вычетомъ доли, причитающейся по русскимъ законамъ наследнику—русскому подданному остается свободное наследственное имущество. (Ст. 10 русско-германской конвенціи 31 окт. (12 нояб.) 1874 г.).

(Рѣшеніе 21 апрѣля 1900 года).

Правит. Сенатъ находить, что, согласно ст. 10 русско-германской конвенціи отъ 31 окт. (12 нояб.) 1874 г. (Собр. узак. 1875 г. № 29) россійскія судебныя установленія не вправе принимать къ своему разсмотрѣнію ходатайства германскихъ подданныхъ о признаніи за ними наследственныхъ правъ на движимое имущество, оставшееся въ Россіи послѣ смерти ихъ соотечественника (касс. рѣш. 1878 г. № 147 и рѣш. общ. собр. касс. деп. 1885 г. № 20), но если наследственные права на такое имущество предъявлены русскимъ подданнымъ, до истеченія сроковъ, установленныхъ ст. 5 той же конвенціи, т. е. до срока выдачи наследства германскому консулу, то опредѣленіе правъ и размѣра наследственной доли, причитающейся русскому подданному, предоставляется русскимъ судамъ и на основаніи русскихъ законовъ; что, какъ видно изъ приведенныхъ постановленій конвенціи, примѣненіе россійскими судами отечественныхъ законовъ наследодателя не допускается, вопреки неправильному утвержденію просительницъ, даже въ томъ случаѣ, когда на наследство открывшееся въ Россіи послѣ умершаго германскаго подданнаго одновременно заявляютъ свои притязанія,

какъ русскіе такъ и германскіе подданные; въ семъ послѣднемъ случаѣ русскія судебныя установленія обязаны, не входя въ обсужденіе наследственныхъ правъ германскихъ подданныхъ, опредѣлить на основаніи россійскихъ законовъ права русскихъ подданныхъ и установить размѣръ причитающейся имъ наследственной доли; что за силой той же 10 статьи упомянутой конвенціи выдача германской консульской власти подлежитъ въ семъ случаѣ лишь часть наследства, оставшаяся за вычетомъ доли, причитающейся русскому подданному, изъ чего слѣдуетъ, что размѣръ наследства, которое могутъ получить иностранцы, прямо зависитъ отъ величины той доли, каковая по русскимъ законамъ причитается наследнику—русскому подданному; если же все наследство по русскимъ законамъ должно перейти къ русскимъ подданнымъ, то выдача наследства, какъ совершенно правильно по отношенію къ данному случаю рѣшила палата, вовсе не можетъ имѣть мѣста...

Такимъ образомъ, согласно этому рѣшенію русскіе подданные могутъ заявлять притязанія хотя бы и на все наследственное имущество оставшееся послѣ умершаго германскаго подданнаго, если они имѣютъ на это право по русскимъ законамъ. Совершенно аналогичное правило содержится въ ст. 25 Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuch 1896 г.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ

Подписнику № 648.

Въ мнѣніе чина или чиновника военно-медицинскаго вѣдомства запаса арміи зачисляется при отбываніи воинской повинности магистръ фармаціи иудейскаго происхожденія?

Согласно примѣч. къ ст. 76, кн. VI св. воен. пост. (изд. 1892 г.) магистры фармаціи, зачисляемые въ запасъ арміи на основ. ст. 80 уст. о воинск. пов. (изд. 1897 г.), принадлежать къ числу запасныхъ гражданскихъ чиновниковъ воен. вѣдомства. Въ этой статьѣ, какъ и въ другихъ военныхъ законахъ, никакихъ изыятій для евреевъ не установлено. Напротивъ ст. 40 уст. о служб. (Свод. зак. т. III, изд. 1896 г.) категорически предоставляетъ евреямъ, имѣющимъ ученую степень магистра, право поступленія на государственную службу по гр. вѣдомству и это правило, согласно 65 ст. кн. VI ч. 2 Св. воен. пост. (изд. 1892 г.), распространяется и на службу по военному вѣдомству. Жалобы на гл. воен.—медич. управ. могутъ быть приносимы военному министру по главному штабу, въ которомъ, согласно ст. 136, 137, 141, кн. I, ч. 1 Св. Воен. Пост. (изд. 1893 г.) сосредоточивается наблюденіе за правильностью комплектованія арміи.

Подписнику № 1333.

Вправе ли вдова и дѣти нижняго чина изъ евреевъ, отбывшаго военную службу по правиламъ рекрутскаго устава, но не присягнувшаго по выходѣ въ отставку къ обществу внѣ постоянной чертѣ еврейской осѣлости, присягаться къ такому обществу?

Въ рѣшеніи перваго общаго собранія за 1894 г. по д. Праге Пр. Сенатъ разъяснилъ, что дѣти нижнихъ чиновъ евреевъ, отбывшихъ военную службу, по рекрутскому уставу, имѣютъ право на повсемѣстное жительство въ Россійской Имперіи, независимо отъ того, чѣмъ они занимаются, при томъ однако условіи, если они были присяганы къ обществамъ внѣ чертѣ общей осѣлости самими ихъ отцами-отставными солдатами. Въ виду этого разъясненія, сохраняющаго свою силу и нынѣ въ Сенатской практикѣ, предложенный вопросъ разрѣшается отрицательно.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 12 іюня, по Судебн. Департ.

Арест.: о Труновѣ и Криволаповѣ въ бродяжествѣ; о Олджабевѣ въ грабежѣ.

Апелляц.: о Тлеувѣ въ растратѣ; о Раймовѣ въ наруш. тамож. уст.

Частныя: прошенія: Запольскаго; Распопина; Карымбаева и др.; о Письменныхъ въ кражѣ; жал. Мокшанова; объ освид. умств. способ.: Вуковскаго; Шиманской; Венеровскаго; Юревича; Шульгиной; Введенской; Рыковскаго; Сидиной; Мецкерскаго; Мальцева; Геродеса; Винтергальтера; Ушмарской; Ставицкаго; Анферовой; Кечева; Дракона; Шаповалова.

На 14 іюня, по 1 отд. Угол. Насс. Деп.

Жалобы: Михайловскаго и Вемико Ковенск. о. с. 1454 ст. ул.; Гусева и Смирнова Кашинск. о. с. 1642 ст. ул.; Литвинова и Кукота Кіевск. о. с. 1455 ст. ул.; Шнипова Витебск. о. с. 172 ст. ул.; Егорова Виленск. с. п. 377 ст. ул.; Сергѣевой Тверск. о. с. 981 ст. акц. уст.; Войдѣшко и др. Лудк. о. с. 236 ст. ул.; Филоренко Симферопольск. о. с. 1647 ст. ул.; Толмачева и др. Воронежск. о. с. 1641 ст. ул.; Серебренникова Екатеринбургск. о. с. 172 ст. ул.; Дробышева Тамбовск. о. с. наруш. пит. уст.; Анофріева Владимірск. о. с. 1647 ст. ул.; Еремина У.-Медвѣдцк. о. с. 1655 ст. ул.; Ястржембскаго Россіенск. м. с. 136 ст. ул.; Дударя и др. З.-Острожек. м. с. кража; Гурнага и др. Лидск. м. с. 142 ст. ул.; Дойлида и Новика Слудк. м. с. кража; Мухиной Таганрогск. о. с. наруш. пит. у.; Чуриной Спб. ст. м. с. 169 ст. ул.; Доана Варшавск. с. п. 1484 ст. ул.; Иванова и Леонтьевой Тверск. о. с. 981 ст. акц. у.; Сухова Тифлисск. с. п. кровосмѣшеніе; Соны-Эйбъ-кизы Тифлисск. с. п. убійство; Линге Спб. с. п. 1655 ст. ул.; Жордания Тифлисск. с. п. покуш. на убійство; Ларина Тамбовск. о. с. 1523 ст. ул.; Сафонова Уфимск. о. с. кража; Балабанова Казанск. о. с. 1655 ст. ул.; Чижикова и Кочукова Орловск. о. с. 1490 ст. ул.; Гладышева Оренбургск. о. с. 1464 ст. ул.; Мухина и Вѣгосинскаго Симферопольск. о. с. 1642 ст. ул.; Гольдберда на постановл. Петроков. 2 окр. м. с.; Калещенко на опред. Кишиневск. м. с.; Ярушевскаго и др. Летичевск. м. с. 151 ст. ул.; Вакульскаго К.-Пружанск. м. с. кража; Вайкошь Ковельск. м. с. 981 ст. пит. у.; Трахтмановъ Кишиневск. м. с. 981 ст. пит. у.; Думы и др. Варшавск. с. п. 1490 ст. ул.; Зеленкова Спб. о. с. 1641 ст. ул.; Петрухина Таганрогск. о. с. кража; Каменскаго В.-Сокольск. м. с. кража; Котова и др. Сарапульск. о. с. 1647 ст. ул.; Спудо Варшавск. с. п. 1606 ст. ул.; Майдановой Екатеринбургск. о. с. 937 ст. акц. у.; Фролова на опред. Тульск. о. с.; Степановой Спб. о. с. 1655 ст. ул.; Душенькевича Уманск. м. с. по обв. Маликовой по 136 ст. ул.; Тузовъ Винницк. м. с. кража; Капировскаго Гомельск. м. с. ростовщичество; Хвещука и др. Староконстантиновск. м. с. кража; гр. испца Верезина Спб. о. с. по обв. Тимачева по 1688 ст. ул.; Крамаренко Уманск. м. с. 135 ст. ул.; Шеретянаго Уманск. м. с. 513 ст. ул.; Ройзельмана и Бялаго Летичевск. м. с. кража; Шермана и Китовера Летичевск. м. с. 56 ст. ул.; Зисельса Летичевск. м. с. по обв. Зекцера по 142 ст. ул.; Эйноха Ковельск. м. с. 142 ст. ул.; Рубахи Пинск. м. с. соучастіе въ кражѣ; Макаревича Ковенск. м. с. 177 ст. ул.; Драгера и др. Ровенск. м. с. 177 ст. ул.; Гринь З.-Острожек. м. с. 180 ст. ул.; Ноздрунова Кіевск. м. с. 115 ст. ул.; Домарецкаго Варшавск. гор. м. с. 172 ст. ул.; Цитриновъ Р.-Вольнск. м.

с. наруш. закона 9 янв. 95 г.; Павлишиной Лудк. о. с. убійство; Олендскаго Гродненск. о. с. 238 ст. ул.; Стаховск. Московск. о. с. 1490 ст. ул.; Атамана Ямпольск. м. с. кража.

Протесты: тов. прокур. на Минск. о. с. по обв. Мотылевича по 1648 ст. ул.; тов. прок. на Московск. ст. м. с. по обв. Рощина по 169 ст. ул.; прок. на Казанск. о. с. по обв. Самойлова по 1 ч. 1655 ст. ул.; тов. прок. на Пензенск. о. с. по обв. Антонова по 454 ст. ул.

На 15 іюня, по 1 отд. Угол. Насс. Деп.

Жалобы: Давыдова и др. Симбирск. о. с. 556 ст. ул.; Дыньска Самарск. о. с. кража; Овсянниковой Пензенск. о. с. 1647 ст. ул.; Коломенцева Калужск. о. с. 1609 ст. ул.; Плохинской Кіевск. о. с. по обв. Тимофѣева и Цируковой по 1160 ст. ул.; Максимова на опред. Казанск. с. п.; Глодковскаго на постановл. Варшавск. 1 окр. м. с.; Толька Бобруйска. м. с. кража; Ивжика Кіевск. м. с. мошенничество; Матакаева Армавирск. м. с. кража; Губей Гродненск. м. с. 274 ст. ул.; Довноровича Виленск. о. с. 1653 ст. ул.; Шокина и Русскова Саратовск. о. с. кража; Молева Череповецк. о. с. 1484 ст. ул.; Перетрухина и Смагина Самарск. о. с. 943 ст. ул.; Апарина Донецк. 2 окр. м. с. кража; Когана Кишиневск. о. с. 1612 ст. ул.; Орлова Курек. о. с. 1654 ст. ул.; Ройзмана и Никитина Уманск. о. с. 942 и 943 ст. ул.; Веремѣева и др. Одесск. с. п. 269 ст. ул.; Маруевича Таганрогск. о. с. 1643 ст. ул.; Брагина Таганрогск. о. с. 1643 ст. ул.; Грабовскаго Варшавск. с. п. 1643 ст. ул.; фонъ-Рейндера Брацлавск. м. с. 123 ст. ул.; Крисюка Гродненск. м. с. 80 ст. ул.; Вегнера Кіевск. м. с. кража; Каалинской Петроковск. 1 окр. м. с. кража; Вайсблома и Выгоднаго Кѣлецк. 1 окр. м. с. кража; Долгиевхъ, Волобуева и др. Тифлисск. с. п. 942 и 236 ст. ул.; Бѣлородова Сумск. о. с. 1651 ст. ул.; Хамозова Кишиневск. о. с. 556 ст. ул.; Вѣлицкаго и Литвиновой Острогоск. о. с. по обв. дѣтей ихъ по 1489 и 1490 ст. ул.; Тувина Пензенск. о. с. 1465 ст. ул.; Цвигуна Кишиневск. о. с. 1666 ст. ул.; Березовикова Омск. с. п. 1454 ст. ул.; Соколовскаго и др. Б.-Сокольск. м. с. кража; Горяновхъ У.-Медвѣдцк. о. с. 556 ст. ул.; Вѣлашова и Солохина Острогоск. о. с. 1642 ст. ул.; Тиморина Харьковск. с. п. 181 ст. ул.; Иванова на опред. Казанск. с. п.; Ермольева Кіевск. м. с. по обв. Брадтговъ по 131 ст. ул.; Пюро Варшавск. 1 окр. м. с. кража; Кнехта Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. ул.; Курчинскаго Сѣдлецк. 2 окр. м. с. по обв. Троицкой въ обидѣ дѣйствиємъ; Дьячкова Саратовск. с. п. 288 ст. ул.; Заридзе Тифлисск. с. п. подлогъ; Братцева на опред. Тифлисск. с. п.; Кузнецова на опред. Спб. с. п.; Крячки Тифлисск. с. п. грабежъ; Ашихлиныхъ Курек. о. с. кража; Берлинера Гродненск. о. с. 1651 ст. ул.; Вершина Новгородск. о. с. кража; Тарасевича Минск. о. с. 177 ст. ул.; Хлѣбешко Минск. о. с. 1609 ст. ул.; Бурканъ Кишиневск. о. с. 1649 ст. ул.; Пивцевичъ Спб. о. с. 1681 ст. ул.; Демцуна Староконстантиновск. м. с. кража; Неставальскаго Староконстантиновск. м. с. кража; Стрижжина Спб. о. с. кража; Наумова на опред. Двинск. м. с.; Шапова на опред. Гомельск. м. с.; Ступина на опред. Виленск. с. п.; Высоцкаго на опред. Кіевск. с. п.; Урбаниковъ Варшавск. с. п. 1490 ст. ул.; Махмуда-Муртузали-оглы и Тульнора-Умалать-оглы Тифлисск. с. п. кража.

О возобновленіи дѣлъ: о Бурундовскомъ; о Наифиловѣ и Финовъ.

Движеніе по Государственной службѣ.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ:

данные Государственному Совѣту.

1900 года, іюня 1 ю. „Неправильному должностъ секретаря Государственного Совѣта, статскому совѣтнику Философову—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть стать-секретаремъ Государственного Совѣта по департаменту промышленности, наукъ и торговли“.

Правительствующему Сенату.

1900 года, іюня 7-ю. „Пековского губернатора, тайнаго совѣтника Пащенко—Всемилоостивѣйше увольняемъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни“.

1900 года, іюня 7-ю. „Новгородскому губернскому предводителю дворянства, Двора Нашего въ должности шталмейстера, дѣйствительному статскому совѣтнику князю Васильчикову—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть Псковскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ его въ придворной должности“.

П Р И К А З Ы.

По вѣдомству министерства юстиціи.

28 апрѣля 1900 года, № 16:

Причисляются къ м. увол. Выс. прик. по гражд. вѣд. отъ 16 апр. 1900 года, за № 26, отъ долж., согл. пром.: уч. м. с. ейск. о., к. ас. Дылевскій; испр. д. с. сл.: 2 уч. Ков. у., н. с. Богаткинъ; 2 уч. Берд. у., о. таганрог. о. с., к. а. Штейнеръ и 3 уч. Бѣльск. у., о. смол. о. с., к. а. Микучевскій и мир. с.: 10 уч. о. чит. о. с., к. а. Кедровъ и Атбас. у., о. омск. окр. с., к. с. Сполитакъ; изъ нихъ, съ отк. къ испр. долж.: 1—старш. нот. елисаветпольск. о. с., и с. сл.: 2—2 уч. Тирасп. у., о. одес. о. с., 3—1 уч. таганрогск. о., 4—Сычев. у., о. смолен. о. с., 5—Станов. у., о. радом. о. с., въ 6—съ 16 апр. 1900 г.: пом. секр. при прок. харьк. с. п., к. с. Корецкій; ст. канд. на д. по с. в. при моск. с. п.: к. с.: Лопухинъ и Червинскій и г. с. Усовъ; при окр. с.: каз.—т. с. Акатъевъ; усть-медвѣд.—к. с. Атаманчуковъ; плод.—к. с. Воженко и ломж.—к. с. Воскобойниковъ—съ отком. къ испр. д. с. сл.: 1—2 уч. Берд. у., о. таганрог. о. с., 2—2 уч. Гжат. у., о. смолен. о. с., 3—2 уч. Бѣльск. у., о. того же о. с., 4—3 уч. о. том. о. с., 5—2 уч. Мамадыш. у., о. казан. о. с., 6—4 уч. 2 доп. о., усть-медвѣд. о. с., 7—Турек. у., о. калиш. о. с., 8—Мак. у., о. ломж. о. с.; прич. къ м. ю.: к. а. Филищенко и г. с. Шлейферъ—къ 1 деп. сего м., съ отк. для зан. въ 1 уг. отд., того же деп. м. оба—съ 18 апр. 1900 года.

Командируются: прич. къ м. ю., ком. къ п. д. с. сл.: Маков. у., о. ломжин. о. с., т. с. Ольденборгеръ—въ Кольн. у., о. того же о. с., 2 уч. Луц. у., т. с. Михайловъ—въ 1-й уч. того же у., 1 Ковельск. у., о. луц. о. с., т. с. Васильевичъ-Меленевскій—во 2-й уч. Луц. у., 4 уч. Владиміръ-Вол. у., о. того же о. с., т. с. Теодоровичъ—въ 1-й уч. Ковельск. у., Равек. у., о. петроков. о. с., к. а. Собичевскій—въ Радлин. у., о. варшав. о. с., о. того же о. с.: Влон. у., т. с. Шимкевичъ—во 2-й уч. Варшав. у., 1 уч. Вендинск. у., о. петроков. о. с., н. с. Левковичъ—въ Влон. у.

Умершій исключ. изъ сп.: прич. къ м. ю., ком. къ п. д. с. сл. 1 уч. Горисов. у., о. мн. о. с., н. с. Городской—съ 18 апр. 1900 г.

Переименовываются: исп. долж. с. сл. по важн. д. о. перм. о. с., к. а. Голишевскій—испр. д. с. сл. 2-го уч. гор. Перми и по важн. д. о. того же окр. с.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Назначаются: гм. с. по Сѣдлец. губ.: испр. д. секр. с. м. с. 1 о. Сѣдл. г. Антонъ Янишевскій—1 окр. Венгров. у., Иванъ Петролицкій—3 окр. Соколов. у., Иванъ Калишукъ—3 окр. Константиновскаго уѣзда.

Утверждаются: гм. с., по выб., по той же губ.: Осипъ Хомичевскій—3 о. Сѣдлец. у., Иосифъ Заяць—3 о. Венгров. у., Станиславъ Левицкій—3 о. и Фаддей Гузь—6 о. Луков. у., Константинъ Дерсевичъ—3 о. Гарволин. у., Осипъ Островскій—4 о. Бѣльск. у., Михайлъ Домбровский—3 окр. Влодавскаго уѣзда.

13 мая 1900 года, № 18:

Причисляются къ м.: увол. В. н. по гражд. вѣд. отъ 26 апр. 1900 г. за № 28 отъ долж., согл. пром.: у. м. с. владиміръ-волян. о. т. с. Скуратовъ, гор. судья гор. Орска с. с. Калакуцкій и испр. д. суд. с. 2 уч. Ростов. о., таганрогск. о. с., к. а. Сахновской, изъ нихъ послѣдній—съ отк. къ испр. долж. с. сл. г. Бердянска, о. таганрог. о. с., въ 3—съ 26 апр. 1900 г.; ст. канд. на долж. по суд. вѣд. при таганрог. о. с. к. с. Водеско—съ отк. къ испр. долж. с. сл. 3 уч. Ростов. окр., того же о. с.

Командируется прич. къ м. ю., ком. къ испр. долж. суд. сл. 3 уч. ростов. о., таганрог. о. с., т. с. Рашъ—во 2 уч. того же о., съ 26 апр. 1900 г.

17 мая 1900 года № 19:

Причисляется къ м.: согл. прош. пом. дѣлопр. Х. к. 1 деп. м. ю., т. с. Бобровъ, съ увольн. отъ зан. долж., съ 4 мая 1900 г.

3 іюня 1900 года, № 43:

По Правительствующему Сенату.

Опредѣляется на сл., изъ отет., к. с. Стрижевскій—сост. за об. прок. с., св. компл., въ суд. доп. Правит. Сен., прежнимъ чиномъ н. с.

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначаются: испр. д. с. сл. 1 уч. Трокек. у., о. вил. о. с., т. с. Введенскій—уч. м. с. вил. о.; въ зв. кам.-юнк. В. Дв., с. с. Сергѣевъ—поч. м. с. астрах. г. о., на тек., съ 1 апр. 1900 г., 3-лѣтіе, съ ост. его въ придв. зв.; и. долж. с. сл. Сувалк. у., о. сувалк. о. с., п. с. Матросовъ—тов. пр. калиш. о. с.; секр. о. с.: петрозавод., к. с. Гаухъ и асабад., к. с. Телятниковъ, прич. къ м., г. с. Нарписовъ и доб. м. с. о. якут. о., о. к. ю. н. въ Н. у. съ дилл. 2-й ст. Вишневецкій—мир. с.: 1—8 уч. о. чит. о. с., 2—1 уч. Мерв. у., 3—1 уч. Енис. у. и 4—1 уч. Якут. о.; секр. с. м. с. митаво-баус. о., г. с. Шмелевичъ—доб. м. с. о. якут. о. с.

Переимѣщаются: уч. м. с. рѣчицко-мозыр. о. н. с. Штейнгаузенъ—уч. м. с. кобрино-пруж. о.; м. с.: 1 уч. Енис. у., к. а. Татаринъ, 6 уч. о. чит. о. с., к. а. Романовъ и 1 уч. Якут. о., к. а. Токаревъ—мир. с. Татаринъ—2 уч. Енис. у., Романовъ—10 уч. о. чит. о. с. и Токаревъ—6 уч. окр. того же о. с.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.